

Дело «Илиас и Ахмед (Ilias and Ahmed) против Венгрии»¹

(Жалоба № 47287/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 21 ноября 2019 г.

По делу «Илиас и Ахмед против Венгрии» Европейский Суд по правам человека, заседающий Большой Палатой в составе:

Линос-Александра Сицилианоса, Председателя Большой Палаты Суда,
Ангелики Нуссбергер,
Роберта Спано,
Йона Фридрика Кьельбро,
Ксении Туркович,
Пауля Лемменса,
Леди Бианку,
Ишиль Каракаш,
Небойша Вучинича,
Андре Потоцкого,
Алеша Пейхала,
Дмитрия Дедова,
Йонко Грозева,
Мартиньша Митса,
Жоржа Раварани,
Жольены Шуккинг,
Петера Пачолаи, судей,
а также при участии Йохана Каллеварта, заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 18 и 19 апреля 2018 г. и 13 марта и 3 октября 2019 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 47287/15, поданной против Венгрии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя гражданами

Бангладеш Илиасом Илиасом (*Ilias Ilias*) и Али Ахмедом (*Ali Ahmed*) (далее – первый и второй заявители соответственно, вместе – заявители) 25 сентября 2015 г.

2. Интересы заявителей были представлены адвокатом Б. Похарнок (*B. Pohárnok*), практикующей в г. Будапеште. Власти Венгрии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде З. Таллоди (*Z. Tallódi*), сотрудником Министерства юстиции.

3. Жалоба была распределена в Четвертую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 14 марта 2017 г. Палата этой Секции Европейского Суда в следующем составе: Анны Юдковской, Председателя Палаты, Винсента А. де Гаэтано, Андраша Шайо, Ноны Цоцория, Кшиштофа Войтычека, Габриэле Кучко-Штадлмейер и Марко Бошняка, судей, а также при участии Мариалены Цирли, Секретаря Секции Суда, – единогласно признала жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу и вынесла постановление по существу дела. Власти Венгрии 14 июня 2017 г. ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 18 сентября 2017 г. коллегия в составе пяти членов Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

4. Состав Большой Палаты был определен на основании пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. Председатель Большой Палаты решил, что в интересах надлежащего отправления правосудия состав Большой Палаты Европейского Суда при рассмотрении настоящего дела должен быть тем же, что и при рассмотрении дела «Z.A. и другие против Российской Федерации» (*Z.A. and Others v. Russia*) (Постановление от 28 марта 2017 г., жалоба № 61411/15 и три другие жалобы³) (правило 24, пункт 2 правила 42 и правило 71 Регламента Европейского Суда).

5. Заявители и власти Венгрии представили письменные замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). В дополнение к этому были получены комментарии третьих сторон: от властей Болгарии, Польши и Российской Федерации, а также от Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Совета Нидерландов по делам беженцев (*Dutch Council for Refugees*) совместно с Международной комиссией юристов (*International Commission of Jurists*) и Европейской комиссией по делам беженцев и убежища (*European Commission on Refugees*) и отдельно от пяти юристов из Италии. Всем им

¹ Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 21 ноября 2019 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 2 (примеч. редактора).

Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил принять участие в письменной процедуре рассмотрения дела (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 статьи 44 Регламента Европейского Суда).

6. Открытое слушание по делу было проведено во Дворце прав человека в г. Страсбурге 18 апреля 2018 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Венгрии:

З. Таллоди, Уполномоченный Венгрии при Европейском Суде,

А. Лёринч (A. Lőrincz), директор Департамента по вопросам иммиграции и гражданства, *советник*,

М. Веллер (M. Weller), соуполномоченный Венгрии при Европейском Суде, *советник*;

(b) со стороны заявителей:

Б. Похарнок, *адвокат*,

Г. Матевзиц (G. Matevzic),

Н. Моле (N. Mole), *советники*.

Европейский Суд заслушал выступления З. Таллоди, Б. Похарнок и Г. Матевзиц, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛ ЗАЯВИТЕЛЕЙ И ИХ ПРИЕЗД В ВЕНГРИЮ

7. Оба заявителя являются гражданами Бангладеш. Согласно информации от декабря 2017 года первый заявитель, Илиас Илиас, проживает в г. Удем, Германия, а второй заявитель, Али Ахмед, проживает в г. Барселоне, Испания.

8. 15 сентября 2015 г. заявители приехали в Венгрию из Сербии и попали в транзитную зону Рёске (Röske), расположенную на территории Венгрии, на границе между двумя странами. Их ходатайства о предоставлении убежища, поданные в тот же день, были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу в течение нескольких часов, и было принято решение об их выдворении. Заявители подали жалобу на это решение и затем провели в транзитной зоне 23 дня, пока проводилось соответствующее производство. 8 октября 2015 г., после принятия окончательного решения об отказе в предоставлении им убежища, их доставили к выходу из транзитной зоны, и они пересекли государственную границу в сторону Сербии.

9. Нижеследующее изложение предыстории заявителей основано на показаниях, представленных Европейскому Суду. По-видимому, некоторые из них не были доведены до сведения властей Венгрии, либо были сообщены только в ходе второ-

го производства во внутригосударственных судах, или не всегда были изложены одинаковым образом.

10. Первый заявитель родился в Бангладеш в 1983 году. В возрасте восьми лет он оказался один в Пакистане без семьи. Он проживал в Пакистане до 24–25 лет (за исключением трех месяцев, в течение которых он в 14-летнем возрасте был выдворен в Афганистан и содержался там под стражей, а затем был отправлен обратно в Пакистан). Когда первый заявитель был ребенком, он работал нелегально сначала в ресторане, затем рыбаком и портным. В ходе производства по настоящему делу первый заявитель утверждал, что он подвергался насилию в Пакистане, в том числе со стороны сотрудников полиции, и пытался сбежать в Иран, однако там он также подвергался жестокому обращению и был возвращен в Пакистан. В 2009 или 2010 году первый заявитель отправился в Бангладеш и оставался там в течение года или немного дольше, будучи бездомным и часто подвергаясь жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, поскольку у него не было документов. В этот период он раздавал брошюры в поддержку одной политической партии, и ему начали поступать угрозы от сторонников другой партии. В 2010 или 2011 году он был выдворен в Индию, где находился две недели, затем он снова вернулся в Пакистан. После четырех месяцев нахождения в Пакистане он уехал в Иран, где жил и работал на протяжении 18 месяцев. Затем он направился в Турцию и работал там еще 18 месяцев, а после заплатил контрабандистам, чтобы они отвезли его в Грецию, где он провел два с половиной месяца. В 2015 году он пешком пересек границу с Македонией, потом приехал в Сербию на поезде. До попытки въезда в Венгрию он провел в Сербии неопределенный, но, по-видимому, очень короткий период времени.

11. Вторым заявитель родился в 1980 году и проживал в Бангладеш до 2010 года. Он уехал, поскольку наводнения 2008 года разрушили его дом, и он стал нищим, живущим за счет попрошайничества. В 2010 году он решил отправиться в Индию в целях поиска лучших возможностей. Его семья, которая осталась в Бангладеш, погибла в результате наводнений 2010 года. Вторым заявитель оставался в Индии два месяца и затем уехал в Пакистан, где провел шесть месяцев в плену у контрабандистов. Затем банда контрабандистов отправила его на самолете в г. Дубай, где заставила работать там на протяжении двух лет и затем отправила его в Иран на пароходе. В Иране он два месяца работал на тех же контрабандистов, после чего вместе с ними направился пешком в Турцию. В Турции две недели он был пленником контрабандистов, затем был перевезен в Грецию. В Греции второй заявитель работал два года. Там он встретил первого заявителя, и они вместе отправились в Македонию, затем в Сербию и Венгрию.

12. Родным языком обоих заявителей является силхетский диалект бенгальского языка, официального языка Бангладеш.

13. Оба заявителя понимают разговорный урду, а первый заявитель говорит на нем. Представляется, что заявители сообщили властям Венгрии, уполномоченным в области предоставления убежища, что они также понимают турецкий и английский языки.

14. Первый заявитель никогда не учился в школе. Второй заявитель окончил только три класса школы и мог читать и писать на бенгальском языке на базовом уровне.

II. СОДЕРЖАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЕЙ В ТРАНЗИТНОЙ ЗОНЕ

15. Транзитная зона Рёске в момент событий настоящего дела представляла собой комплекс из мобильных контейнеров и узким открытым пространством, обнесенным ограждением высотой около четырех метров с колючей проволокой. Зона полностью охранялась сотрудниками полиции и вооруженными охранниками. В момент событий настоящего дела лица, требовавшие предоставления убежища, содержались в жилой зоне, состоящей из десятка контейнеров, каждый из которых был приблизительно 2,5 метров в ширину и 5,5 метров в длину и был оснащен тремя-пятью кроватями и электрическим обогревателем. Один контейнер был оборудован под санузел, а другой, побольше – под общее помещение со столами и стульями. Жилая зона была окружена небольшой открытой площадью размерами 2,5 метров в ширину и от 40 до 50 метров в длину. Были установлены системы горячего и холодного водоснабжения и электричества. Заявителям ежедневно предоставлялось трехразовое питание без свинины, в контейнере, который служил столовой.

16. Заявители утверждали, что в течение всего периода их содержания в данной зоне им не предоставлялось медицинской или социальной помощи. Кроме того, по их словам, у них не было доступа к телевизору или Интернету, а также к стационарному телефону и какому-либо досугу.

17. По словам властей Венгрии, медики вооруженных сил страны обеспечивали возможность оказания медицинской помощи каждый день в течение двух часов.

18. По утверждениям Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП), постели в транзитной зоне Рёске были застелены чистыми матрасами, подушками и постельным бельем. В жилых контейнерах был хороший доступ к естественному и искусственному освещению. Кроме того, перед контейнерами была узкая обозначенная зона, к которой

у иностранных граждан был свободный доступ в течение дня. Санитарные условия были надлежащими, всем лицам было обеспечено предоставление медицинской помощи (см. ниже § 65).

19. Заявители не могли покинуть транзитную зону и попасть на другую часть территории Венгрии. Представляется, что они могли вернуться в Сербию, но между этими странами существуют разногласия относительно юридических и практических последствий такой меры.

III. ХОДАТАЙСТВА ЗАЯВИТЕЛЕЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИМ УБЕЖИЩА И ИХ РАССМОТРЕНИЕ

A. ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ОРГАНА И ЕГО ОБЖАЛОВАНИЕ

20. В течение короткого промежутка времени после прибытия заявителей они были допрошены сотрудниками Департамента по вопросам иммиграции и гражданства (далее – уполномоченный орган) с участием переводчика с языка урду. Допрос первого заявителя продолжался два часа, а второго заявителя – 22 минуты. На допросах они рассказали предысторию своего отъезда из Бангладеш и немного сообщили о своих перемещениях. Первому заявителю был представлен двухстраничный буклет на языке урду о процедуре предоставления убежища.

21. Согласно записям, сделанным властями Венгрии в ходе допросов, Венгрия была первой страной, в которой оба заявителя попросили убежища. В Сербии первый заявитель не встречался с какими-либо должностными лицами или представителями властей и не рассматривал возможность получения помощи в этой стране. Второй заявитель однажды столкнулся с сотрудниками полиции в Сербии, но не подал ходатайства о предоставлении убежища. Он настаивал на продолжении своего пути, и полиция Сербии предположительно отпустила его, выдав ему документ, в котором ему было предписано покинуть страну.

22. Во время допроса первый заявитель был уведомлен о том, что у него есть три дня для того, что указать причины его решения не просить защиты в Сербии и объяснить, почему он считал возможность получения убежища в Сербии несуществующей или неэффективной. Второму заявителю также было предложено, хотя и под видом подлежащего немедленному исполнению обязательства, пояснить, почему он считал, что не мог получить защиту в Сербии. Согласно записям, сделанным в ходе допроса, второй заявитель ответил, что не требовал предоставления убежища в Сербии, поскольку хотел продолжить свой путь.

23. В тот же день, 15 сентября 2015 г., были вынесены два отдельных решения, в которых

уполномоченный орган (не дожидаясь в отношении первого заявителя истечения предоставленного ему трехдневного срока для того, чтобы опровергнуть презумпцию о том, что Сербия была «безопасной третьей страной») отказал обоим заявителям в предоставлении убежища и признал их требования неприемлемыми для рассмотрения по существу на основании того, что Сербию надлежало считать «безопасной третьей страной» в соответствии с Указом Правительства Венгрии № 191/2015 (VII.21.), и заявители не опровергли данную презумпцию, поскольку они даже не рассмотрели возможность подачи ходатайства о предоставлении убежища в Сербии. Уполномоченный орган вынес решение о выдворении заявителей из Венгрии.

24. Заявители оспорили данные решения в суде по административным и трудовым делам г. Сегеда (*Szeged*). Суд назначил судебное заседание по делам обоих заявителей на 21 сентября 2015 г.

25. Заявители, действуя через представителей Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ), у которых был доступ к транзитной зоне, уполномочили двух адвокатов Венгерского Хельсинкского комитета представлять их в ходе судебного производства. Представляется, что власти не разрешили адвокатам заявителей попасть в транзитную зону и переговорить со своими клиентами до вечера 21 сентября 2015 г., то есть после судебного заседания.

26. Тем не менее 21 сентября 2015 г., в день судебного заседания, адвокаты заявителей подали письменные замечания на нескольких страницах, а также представили дело устно. Адвокаты присутствовали в зале судебного заседания в г. Сегеда, тогда как заявители общались с судом посредством видеосвязи с помощью переводчика с языка урду.

27. Оба заявителя утверждали, что они получили от властей Сербии документ, составленный на сербском языке, из которого они ничего не могли понять, и что им было приказано покинуть территорию Сербии. Оба заявителя предоставили документы, полученные от властей Сербии, при этом в случае первого заявителя в документе не было указано его имя, поскольку документ был выдан в отношении другого лица. В ходе судебного заседания второй заявитель сообщил, что он просил предоставления убежища в Сербии, но его ходатайство не было рассмотрено.

28. В своих письменных и устных замечаниях адвокаты заявителей утверждали по существу, что уполномоченный орган нарушил положения Директивы об общих процедурах предоставления и лишения международной защиты (Директива № 2013/32/EU) в связи с тем, что он добросовестно не рассмотрел вопрос о том, могла ли Сербия

считаться «безопасной третьей страной» в конкретной ситуации заявителей. По их мнению, судебные решения были формальными, и в них не хватало индивидуальной оценки. Заявители также жаловались на то, что им не была обеспечена возможность воспользоваться предусмотренным законом трехдневным сроком для того, чтобы оспорить применение принципа «безопасной третьей страны», поскольку уполномоченный орган принял решения в день проведения первых допросов. Они также утверждали, что в судебных решениях надлежащим образом не учитывалась соответствующая информация о стране, в частности, доклады УВКБ и заявление министра по трудовым и социальным вопросам Сербии от 14 сентября 2015 г., согласно которому Сербия не будет принимать лиц, искавших убежища в Венгрии.

29. В тот же день суд отменил решения уполномоченного органа и направил дело на новое рассмотрение. Суд сослался на статью 3(2) вышеуказанного указа правительства и счел, что уполномоченному органу необходимо более тщательно проанализировать текущую ситуацию в Сербии в отношении процедуры предоставления убежища. Ему также следовало уведомить заявителей о своих выводах по этому пункту и предоставить им три дня для опровержения с юридической помощью презумпции того, что Сербия была «безопасной третьей страной».

В. ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО ОРГАНА И ЕГО ОБЖАЛОВАНИЕ

30. В ходе нового производства в уполномоченном органе заявители предоставили письменное заключение психиатра, который общался с ними в транзитной зоне 23 сентября 2015 г. с помощью переводчика (последний был на связи по телефону). Психиатр был привлечен к участию в деле по просьбе адвокатов заявителей Венгерским Хельсинкским комитетом. В своем заключении психиатр указала, что первый заявитель покинул Бангладеш в 2010 году отчасти из-за наводнения и частично из-за того, что две политические партии пытались привлечь его на свою сторону. В связи с его отказом присоединиться к какой-либо из этих партий на заявителя было совершено нападение, в результате которого ему были причинены телесные повреждения. Психиатр отметила, что первый заявитель хорошо ориентировался, мог сосредоточиться и вспомнить что-то, но проявлял признаки тревоги, страха и отчаяния. Ему был поставлен диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» (далее – ПТСР). Что касается второго заявителя, психиатр отметила, что он покинул страну пятью годами ранее и работал за границей, и за это время вся его семья погибла в результате наводнения. После этого он иммигрировал, побы-

вав в нескольких странах, с целью начать новую жизнь. Психиатр признала его способным хорошо ориентироваться, отметила отсутствие у него потери памяти, но наличие признаков депрессии, тревоги и отчаяния. Ему был поставлен диагноз: «ПТСР и депрессивный эпизод». Психиатр не упомянула о необходимости оказания заявителям какой-либо необходимости медицинской или психологической помощи. Однако, по ее мнению, психическое состояние заявителей могло ухудшиться в связи с их содержанием в транзитной зоне.

31. 23 сентября 2015 г. уполномоченный орган по телефону уведомил законных представителей заявителей о том, что через два дня состоится слушание по их вопросу. Тем не менее представители заявителей, по-видимому, сочли, что это не было надлежащим вызовом, и не явились на слушание.

32. В ходе слушания в уполномоченном органе 25 сентября 2015 г. заявители приняли решение не делать каких-либо утверждений, поскольку их законные представители отсутствовали. С помощью переводчика с языка урду уполномоченный орган уведомил заявителей о том, что у них было три дня для того, чтобы опровергнуть презумпцию безопасной третьей страны.

33. 28 сентября 2015 г. законные представители заявителей подали в уполномоченный орган заявления, в которых выразили протест в отношении того, каким образом они были вызваны для участия в слушании, и требовали проведения нового слушания, на котором они смогли бы присутствовать. Они также указали, что заявителям должна была быть предоставлена надлежащая возможность представить замечания в отношении материалов, на основании которых Сербия была признана безопасной страной.

34. 30 сентября 2015 г. уполномоченный орган оставил ходатайства о предоставлении убежища без удовлетворения. Он счел, что заключения, подготовленные психиатром, не содержали достаточных оснований для того, чтобы предоставить заявителям статус «лиц, заслуживающих особого обращения», поскольку у них не была выявлена какая-либо особая потребность, которая не могла быть удовлетворена в условиях транзитной зоны. Что касается статуса Сербии как «безопасной третьей страны», уполномоченный орган принял во внимание соответствующие доклады УВКБ и одной неправительственной организации. Он также отметил, что заявители не ссылались на какие-либо важные личные обстоятельства, которые бы доказывали, что Сербия не была безопасной третьей страной в их случае, и потому они не смогли опровергнуть презумпцию. На этом основании было принято решение о выдворении заявителей из Венгрии.

35. Заявители обратились с жалобами в суд по административным и трудовым спорам г. Сегеда.

Они утверждали, в частности, что решения уполномоченного органа основывались на выборочных и неверно истолкованных сведениях о стране. Они также считали, что, по их мнению, на уполномоченный орган было возложено бремя доказывания прежде всего того, что Сербия являлась безопасной третьей страной для заявителей, и предоставления соответствующей информации о стране и других доказательств этого. Заявители утверждали, что течение трехдневного срока для опровержения применения принципа безопасной третьей страны по закону даже не могло считаться начавшимся, поскольку уполномоченный орган не выполнил своей обязанности убедительно доказать свои утверждения. Заявители далее отмечали, что уполномоченный орган не проверил, примут ли власти Сербии заявителей назад, что также было необходимо для применения принципа «безопасной третьей страны». Они также ссылались на различные предполагаемые процессуальные нарушения.

36. 5 октября 2015 г. суд¹ вынес два отдельных постановления в отношении первого и второго заявителей соответственно, в которых оставил в силе решения уполномоченного органа. Он отметил, в частности, что в ходе нового рассмотрения дела уполномоченный орган проверил на основании инструкций, полученных от этого суда, могла ли Сербия считаться в целом безопасной третьей страной для беженцев, и установил на основании соответствующего законодательства и информации о стране, что это было так. Уполномоченный орган принял во внимание доклад Белградского центра по правам человека, опубликованный в 2015 году, доклады УВКБ по Сербии от августа 2012 года и от июня 2015 года, а также другие документы, предоставленные заявителями. Уполномоченный орган установил на основании данных документов, что Сербия отвечала требованиям пункта «i» статьи 2 Закона об убежище. Суд счел, что уполномоченный орган надлежащим образом установил факты и не допустил нарушения процессуальных норм, при этом мотивы его решений были ясно изложены и были разумными. Суд также подчеркнул, что показания заявителей в ходе слушаний были противоречивыми и непоследовательными. Первый заявитель указывал различные причины, по которым он покинул свою страну, и путался в показаниях относительно того, получал ли он какие-либо документы от властей Сербии. Документ, который он в итоге предоставил, не содержал его имени и потому не мог быть признан допустимым доказательством. В ходе административной процедуры он ни разу не упоминал о действиях контрабандистов и рассказал об этом только в ходе судебного слушания. Показания второго заявителя были непоследовательными по вопросу продолжительности его

¹ Так в тексте. По-видимому, здесь и далее в этом параграфе имеется в виду суд по административным и трудовым спорам г. Сегеда (примеч. редактора).

нахождения в Сербии и подачи ходатайства о предоставлении убежища. Заявители не ссылались на какие-либо конкретные обстоятельства, которые позволили бы уполномоченному органу признать Сербию небезопасной страной для заявителей. Они оспаривали безопасность Сербии в целом, что было недостаточно для того, чтобы опровергнуть презумпцию.

37. Окончательные решения были вручены заявителям 8 октября 2015 г. Они были составлены на венгерском языке, но их содержание было объяснено заявителям на языке урду. В тот же день после обеда сотрудники полиции сопровождали заявителей на выход из транзитной зоны в Сербию.

38. 22 октября 2015 г. адвокату заявителей был направлен протокол судебного заседания, состоявшегося 5 октября 2015 г. Адвокат заявителей 10 декабря 2015 г. получил перевод судебных постановлений, вынесенных в результате данного заседания, на бенгальский язык. 9 марта 2016 г. требования заявителей о пересмотре судебных постановлений были отклонены по процессуальным основаниям, поскольку Верховный суд Венгрии (Курия (*Kúria*)) пришел к выводу, что пересмотр таких дел не относится к его компетенции.

IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЕЙ В СЕРБИЮ 8 ОКТЯБРЯ 2015 г.

39. Заявители описали процесс их возвращения в записке УВКБ и в письме неправительственной организации Сербии, представители которой присутствовали при этом, а также в видеоподкасте с заявителями, которое состоялось вечером того дня, когда они вернулись в Сербию, с помощью адвоката другой сербской неправительственной организации и переводчика с языка урду. Власти Венгрии не оспаривали данные описания, но утверждали, что заявители покинули Венгрию добровольно.

40. Из данных описаний следует, что утром 8 октября 2015 г. сотрудники УВКБ встретились с заявителями в транзитной зоне и объяснили им, что после вынесения судебных постановлений по их делам они могут либо добровольно вернуться в Сербию, либо подать жалобу, в последнем случае они бы оставались под стражей в течение двух месяцев. Заявители высказали намерение подать жалобу и остаться в Венгрии, они подписали жалобу. После этого сотрудники УВКБ уехали. В середине дня сотрудники полиции и представители уполномоченного органа сообщили заявителям с помощью афганца, который немного говорил на языке урду, о том, что суд вынес решение об их возвращении в Сербию. Заявители ответили, что они не хотят возвращаться в Сербию и что сотрудники ООН сказали им, что они могут остаться в Венгрии еще на два месяца. Они предоставили копию подписанной ими жалобы, но представители власти

отказались взять этот документ. Сотрудники полиции настаивали на своем требовании и сказали, что у заявителей был выбор между добровольным возвращением и содержанием под стражей и принудительной передачей полиции Сербии. Заявители почувствовали, что им угрожают, и решили, что они могут подвергнуться насилию. Они решили уйти из транзитной зоны. Сотрудники полиции посоветовали им возвратиться в Сербию через лес, а не через официальный пропускной пункт. Когда заявителей выводили из транзитной зоны, приехали сотрудники УВКБ. В ходе их разговора с сотрудниками полиции последние сообщили, что заявители решили добровольно покинуть Венгрию и что их не будут сопровождать всю дорогу и через границу в Сербию. К тому времени сотрудники пограничной полиции Сербии известили УВКБ и полицию Венгрии о том, что они не разрешат заявителям вернуться в Сербию через официальный пропускной пункт при отсутствии документов и что единственной возможностью для них было попытаться вернуться в Сербию через «зеленую границу». Представитель УВКБ сделал несколько телефонных звонков для того, чтобы заявителей встретили с другой стороны границы. Заявители сопровождали только до выхода из транзитной зоны, и сотрудники полиции Венгрии сказали им идти дальше одним направлением, вдоль забора. К заявителям не применялась никакая сила. Сотрудники УВКБ настаивали и им было разрешено сообщить двум заявителям, что их встретят со стороны границы Сербии и для этого они должны идти в другом направлении, налево в сторону шоссе, и пересечь границу в районе г. Хоргош (*Horgos*) на сербской стороне. В итоге данная информация была доведена до сведения заявителей. Заявители пересекли границу, следуя инструкциям УВКБ, а не через лес. Сотрудники полиции Сербии, которые находились в том месте, где заявители пересекли границу, сказали им подождать приезда представителей УВКБ, которые должны были их встретить. Заявители были встречены сотрудниками УВКБ, которые оказали им помощь.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕНГРИИ

A. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕНГРИИ, ДЕЙСТВОВАВШЕЕ В ПЕРИОД, ОТНОСИВШИЙСЯ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ДЕЛА

41. Соответствующие положения Закона от 2007 года № LXXX «Об убежище» (далее – Закон об убежище) предусматривали следующее:

«Статья 2

Для целей настоящего Закона:

...i) “безопасная третья страна” означает страну, в отношении которой уполномоченным органом установлено, что с заявителем обращаются в соответствии со следующими принципами:

...ib) в соответствии с Женевской конвенцией¹ соблюдается принцип запрета принудительного возвращения;

ic) соблюдаются и применяются нормы международного права, запрещающие выдворение в страну, в которой соответствующее лицо будет подвергнуто обращению, запрещенному статьей XIV(2) Основного закона, [то есть если лицо столкнется с риском применения смертной казни, пыток или иных форм бесчеловечного обращения или наказания], и

id) существует возможность требовать предоставления статуса беженца; а лица, признанные беженцами, получают защиту в соответствии с Женевской конвенцией...

k) лица, заслуживающие особого обращения: несовершеннолетние лица без сопровождения или уязвимые лица, в частности, несовершеннолетние, пожилые или инвалиды, беременные женщины, одинокие родители несовершеннолетних детей и лица, которые подвергались пыткам, изнасилованиям или другим тяжким формам психологического, психического или сексуального насилия, которые были признаны, после индивидуальной оценки, имеющими особые потребности...

Статья 5

(1) Лицо, требующее признания, имеет право:

a) оставаться на территории Венгрии в соответствии с условиями, определенными настоящим Законом...

c) работать... по месту жительства, [определенному уполномоченным органом]...

Статья 31/А, озаглавленная “Содержание под стражей в ходе процедуры предоставления убежища”

(1) Уполномоченный орган для проведения процедуры предоставления убежища или обеспечения выдачи на основании Дублинского регламента² может, принимая во внимание ограничения, предусмотренные статьей 31/В настоящего Закона, заключить лицо, требующее признания, под стражу в ходе процедуры предоставления убежища, если его право оставаться в стране связано исключительно с подачей ходатайства о признании и если:

a) личность или гражданство лица, требующего признания, неясны, для их установления;

b) проводится процедура выдворения лица, требующего признания, и на основании объективных критериев (в том числе того факта, что у него ранее была возможность подать ходатайство о предоставлении убежища) можно доказать или существуют обоснованные причины полагать, что это лицо обращается с ходатайством о предоставлении убежища исключительно с целью задержать или затруднить его выдворение;

c) необходимо установить факты и обстоятельства, на которых основано ходатайство о предоставлении убежища, если данные факты и обстоятельства не могут быть установлены без содержания лица под стражей, в частности, когда существует риск его побега;

d) содержание под стражей лица, требующего признания, необходимо для защиты национальной безопасности или общественного порядка;

e) ходатайство было подано в аэропорту, или

f) необходимо осуществить передачу на основании Дублинского регламента и существует высокий риск побега соответствующего лица...

Статья 45

(1) Принцип запрета принудительного возвращения превалирует, если в стране происхождения лицо, требующее признания, будет подвергнуто преследованию по признаку расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или приверженности политическим мнениям или будет подвергнуто обращению, которое запрещено статьей XIV (2) Основного закона...

(3) В случае отказа в признании или отзыва такого признания уполномоченный орган должен указать, подлежит ли применению принцип запрета принудительного возвращения...

Статья 51

(1) Если условия применения Дублинского регламента не были соблюдены, уполномоченный орган должен принять решение относительно возможности удовлетворения ходатайства о предоставлении статуса беженца...

(2) Ходатайство не подлежит удовлетворению, если:

...d) оно является повторным, и отсутствуют указания на какие-либо новые обстоятельства или факты, которые требуют признания лица беженцем или получателем субсидиарной защиты;

e) существует страна, которая считается безопасной третьей страной для подателя ходатайства...

(4) Ходатайство может быть признано не подлежащим удовлетворению в соответствии с подпунктом “e” пункта 2 настоящей статьи, только если:

a) лицо проживало в безопасной третьей стране, и у него была возможность попросить эффективной защиты в этой стране в соответствии с пунктом “i” статьи 2 настоящего Закона;

¹ Конвенция ООН о статусе беженцев, принятая в 1951 году в г. Женеве (далее – Женевская конвенция).

² Так в тексте. Имеется в виду Регламент «Дублин II», Регламент Европейского союза от 18 февраля 2003 г. № 343/2003, устанавливающий критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, поданного в одном из государств-членов гражданином третьего государства. Данный Регламент заменяет положения Дублинской конвенции 1990 года (примеч. редактора).

б) лицо проезжало по территории безопасной третьей страны и могло попросить эффективной защиты в соответствии с пунктом “i” статьи 2 настоящего Закона;

с) у лица есть родственник в [безопасной третьей] стране, и лицу разрешен въезд на ее территорию, или

д) безопасная третья страна представила запрос об экстрадиции соответствующего лица.

(5) В случае, попадающем в сферу действия подпунктов “а” или “б” пункта 4 настоящей статьи, лицу необходимо доказать, что у него не было возможности получить эффективную защиту в данной стране в соответствии с пунктом “i” статьи 2 настоящего Закона...

(11) Если к ситуации лица применим подпункт “е” пункта 2 настоящего Закона, оно может немедленно после получения соответствующего уведомления об этом или в течение максимум трех дней после уведомления представить доказательства того, что рассматриваемая страна не может считаться безопасной страной происхождения или безопасной третьей страной в его индивидуальном деле.

Статья 51/А

Если безопасная страна происхождения отказывается разрешить въезд или принять лицо обратно, уполномоченный орган отменяет свое решение и продолжает рассмотрение дела...

Статья 53

...(2) Решение об отказе в удовлетворении ходатайства... может быть обжаловано в суд. За исключением решения, основанного на подпункте “е” пункта 2 статьи 51... требование о судебном пересмотре не приостанавливает исполнение решения...

(4) Суд выносит решение в течение восьми дней с момента получения требования о пересмотре в производстве, которое не является исковым, на основании имеющихся в его распоряжении документов. Судебный пересмотр касается рассмотрения как фактов, так и целого ряда юридических вопросов, существовавших на момент принятия решения административного органа. В случае необходимости [суд может заслушать стороны лично].

(5) Суд не может изменить решение уполномоченного органа; незаконное административное решение... подлежит отмене, и в случае необходимости суд возвращает дело для нового рассмотрения в уполномоченный орган. Решение суда о прекращении производства по делу не подлежит обжалованию...

Статья 66

...(2) Решения уполномоченного органа должны основываться на имеющейся в его распоряжении информации. Уполномоченный орган прекращает производство, если лицо, требующее признания:

...д) покинуло предназначенное для него жилье или место проживания более чем на 48 часов в неизвестном направлении и не представило надлежащих объяснений своего отсутствия...

(4) Решение о прекращении производства по одному из оснований, перечисленных в подпунктах а)–“d” пункта 2 настоящей статьи, не может быть обжаловано в суд...

(6) Заявитель может в течение девяти месяцев с момента получения уведомления о прекращении производства потребовать возобновления производства, прекращенного на основании подпунктов “b”–“d” пункта 2 настоящей статьи. Заявитель может подать такое заявление в уполномоченный орган только лично. По получении такого заявления, поданного в установленный срок, уполномоченный орган продолжает производство по делу с процессуальной стадии, которая предшествовала прекращению производства. Заявитель может просить о продолжении производства только один раз...

Статья 71/А

(1) Если лицо подает ходатайство до того, как оно было допущено на территорию Венгрии, в транзитной зоне, установленной в соответствии с Законом “О Государственной границе”, положения настоящей главы [о процедуре признания беженцем или получателем субсидиарной защиты] применяются [соответствующим образом с отличиями, предусмотренными настоящей статьёй].

(2) В ходе пограничного производства у заявителя отсутствуют права, гарантированные подпунктами “a”–“c” пункта 1 статьи 5 настоящего Закона.

(3) Уполномоченный орган принимает решение относительно возможности удовлетворения ходатайства в рамках ускоренного производства в течение восьми дней после подачи ходатайства. Уполномоченный орган незамедлительно сообщает о своем решении, принятом в ходе данной процедуры.

(4) Если решение не было принято в течение четырех недель, иммиграционный орган предоставляет разрешение на въезд в соответствии с положениями закона.

(5) Если ходатайство не является не подлежащим удовлетворению, иммиграционный орган предоставляет разрешение на въезд в соответствии с положениями закона.

(6) Если лицу было предоставлено разрешение на въезд на территорию Венгрии, уполномоченный орган осуществляет производство в соответствии с общими правилами.

(7) Правила, касающиеся производства в транзитной зоне, не применяются к лицам, заслуживающим особого обращения...

Статья 80/А, озаглавленная “Кризис, вызванный массовой миграцией”

(1) Государственный кризис, связанный с массовой миграцией, может быть объявлен, если:

(а) количество людей, прибывающих в Венгрию и требующих признания, превышает:

аа) пятьсот человек в день в среднем за месяц или

аб) семьсот пятьдесят человек в день в среднем за две недели подряд, или

ас) восемьсот человек в среднем за неделю;

b) количество людей в транзитной зоне в Венгрии, за исключением лиц, участвующих в наблюдении за иностранцами, превышает:

ba) одну тысячу в день в среднем за месяц или

bb) одну тысячу пятьсот в день в среднем за две недели, или

bc) одну тысячу шестьсот в день в среднем за неделю;

c) помимо случаев, указанных в подпунктах “a” и “b” настоящей статьи, в связи с миграционной обстановкой возникает любая ситуация, которая прямо ставит под угрозу общественную безопасность, общественный порядок или здоровье граждан в деревне, поселке или городе, особенно если это приводит к беспокойствам или насильственным действиям в пункте прибытия или в ином месте, в котором предоставляется жилье для таких иностранных граждан и которое расположено в соответствующем населенном пункте или в прилегающих к нему областях.

(2) Кризисное положение, вызванное массовой миграцией, может быть объявлено указом правительства по требованию начальника полиции государства и главы уполномоченного органа, а также по предложению соответствующего министра. Кризисное положение, вызванное массовой миграцией, может быть объявлено в отношении всей территории Венгрии или ее определенной части...».

42. Правительство Венгрии объявило кризисное положение, вызванное массовой миграцией, с полудня 15 сентября 2015 г. в отношении территорий медье Бач-Кишкун (*Bács-Kiskun*) и Чонград (*Csongrád*), в пределах которых располагалась транзитная зона Рёске. 18 сентября 2015 г. область кризиса была расширена, в нее были включены территории медье Баранья (*Baranya*), Шомодь (*Somogy*), Зала (*Zala*) и Ваш (*Vas*). 9 марта 2016 г. кризисное положение было продлено и распространено на территорию всей страны до 7 сентября 2018 г.

43. Соответствующие положения Закона от 2007 года № II «О разрешении на въезд и праве проживания граждан третьих стран» (далее – иммиграционный закон) гласили:

«Статья 51

(1) Не может быть принято или исполнено решение о принудительном возвращении или выдворении в страну, которая не соответствует критериям безопасной страны происхождения или безопасной третьей страны в отношении соответствующего лица, в частности, когда граждане третьих стран могут подвергнуться преследованию по признаку расы, религии, гражданства, социальной принадлежности или политических убеждений, или на территорию или границу страны, в отношении которой существуют веские основания полагать, что соответствующий гражданин третьего государства может быть подвергнут обращению, запрещенному пунктом 2 статьи XIV Основного закона, [в частности, смертной казни, пыткам или другим формам бесчеловечного обращения или наказания] (запрет принудительного возвращения).

(2) Если ведется производство о предоставлении убежища в отношении гражданина третьей страны, решение о его принудительном возвращении или выдворении не может быть принято или исполнено при условии, что данный гражданин имеет право на основании отдельного закона проживать на территории Венгрии...

Статья 52

(1) Иммиграционный орган принимает во внимание принцип запрета принудительного возвращения в производстве, связанном с принятием или исполнением решения о принудительном возвращении или выдворении...».

44. Указ Правительства Венгрии № 191/2015 (VII.21.) об определении безопасных стран происхождения и безопасных третьих стран предусматривал следующее:

«Статья 2

Государства – члены Европейского союза и кандидаты на вступление в Европейский союз (за исключением Турции)¹, государства – члены Европейской экономической зоны, все штаты Соединенных Штатов Америки, в которых не применяется смертная казнь, а также следующие страны рассматриваются как “безопасные третьи страны” по смыслу пункта “i” статьи 2 Закона от 2007 года № LXXX года “Об убежище”:

- 1) Швейцария;
- 2) Босния и Герцеговина;
- 3) Косово;
- 4) Канада;
- 5) Австралия;
- 6) Новая Зеландия...

Статья 3

...(2) Если до прибытия в Венгрию лицо, требующее признания, проживало или путешествовало в одной из третьих стран, признанных безопасными в списке Европейского союза или выше в статье 2 настоящего Закона, данное лицо должно доказать в ходе производства о предоставлении убежища, основанного на Законе “Об убежище”, что в его конкретном деле оно не располагало эффективными средствами защиты в этой стране по смыслу пункта “i” статьи 2 Закона “Об убежище”...».

В. ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЕНГРИИ, ВСТУПИВШИЕ В СИЛУ 28 МАРТА 2017 г.

45. С 28 марта 2017 г. в Закон об убежище были внесены изменения, в частности, в отношении правил, применявшихся в случае объявления кризисного положения, вызванного массовой имми-

¹ Сербия является страной-кандидатом с марта 2012 года, а Республика Северная Македония – с декабря 2005 года. Исключение, касавшееся Турции, которое оставалось в силе на момент событий настоящего дела, было отменено с 1 апреля 2016 г.

грацией. В соответствии с новыми правилами при таких обстоятельствах ходатайства о признании беженцем могли подаваться за немногими исключениями только в транзитных зонах, и лица, которые просили о предоставлении убежища, должны были находиться там, пока не будет принято решение по итогам рассмотрения их ходатайств по существу (в отличие от ситуации, к которой применялся пункт 5 статьи 71/А, им не позволялось покидать транзитную зону, даже если ходатайство не было признано не подлежащим удовлетворению). Жалоба в суд на принятое уполномоченным органом решение об отказе в удовлетворении ходатайства могла быть подана в течение трех дней (а не семи, как было предусмотрено обычными правилами). В отличие от обычной пограничной процедуры, пункт 6 статьи 66 Закона об убежище не применялся, и заявитель не мог требовать продолжения производства, которое было прекращено после того, как он покинул транзитную зону.

46. В январе 2018 года в соответствующие законы вновь были внесены изменения в связи со вступлением в силу нового Закона об общих административных процедурах (Закон 2016 года № CL) и нового Кодекса административного правосудия (Закон от 2017 года № I). В июле 2018 года были внесены новые изменения.

II. ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. ДИРЕКТИВА ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА ОТ 26 ИЮНЯ 2013 г. № 2013/32/EU ОБ ОБЩИХ ПРОЦЕДУРАХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ И ЛИШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ (ПЕРЕРАБОТАННАЯ) (ДАЛЕЕ – ДИРЕКТИВА О ПРОЦЕДУРАХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УБЕЖИЩА)

47. Преамбула Директивы о процедурах предоставления убежища в соответствующих частях гласит:

«...(38) Многие заявления о предоставлении убежища подаются на границе или в транзитной зоне государств – членов ЕС до принятия решения о въезде заявителя. Государства-члены должны установить процедуры рассмотрения данных заявлений на предмет приемлемости для рассмотрения по существу и/или по существу, что позволит принимать решения по заявлениям в данных местах при четко определенных обстоятельствах.

(39) Для определения наличия нестабильного положения в стране происхождения заявителя государства-члены должны обеспечить получение точной и актуальной информации из соответствующих источников, таких как Европейское бюро по вопросам предоставления убежища, УВКБ ООН, Совет Европы и другие соответствующие международные организации. При переносе сроков завершения процедуры государства-члены должны гарантировать соблюдение собственных обязательств в соответствии с Директивой 2011/95/EU и статьей 41 Хартии без ущерба для

эффективности и справедливости процедур, предусмотренных в настоящей Директиве...

(43) Государства-члены должны рассматривать все заявления по существу, то есть оценивать, следует ли предоставлять соответствующему лицу международную защиту в соответствии с Директивой 2011/95/EU, за исключением случаев, когда настоящей Директивой предусмотрено иное, в частности, когда можно разумно предполагать, что другое государство будет рассматривать заявление и предоставит достаточную защиту. В частности, государства-члены не обязаны рассматривать по существу заявление о предоставлении международной защиты, если первая страна убежища предоставила заявителю статус беженца или иную достаточную защиту, и заявитель будет вновь допущен в эту страну.

(44) Государства-члены также не обязаны рассматривать заявление о предоставлении международной защиты по существу, если заявитель на основании достаточной связи с третьей страной в соответствии с законодательством страны может обоснованно требовать защиты в такой стране и имеются основания полагать, что заявитель будет (вновь) допущен в эту страну. Государства-члены должны руководствоваться данным основанием только в том случае, когда конкретный заявитель будет в безопасности в данной третьей стране. Во избежание вторичных перемещений заявителей должны быть установлены общие принципы рассмотрения или определения государствами-членами третьих стран в качестве безопасных.

(45) Кроме того, относительно определенных европейских стран, которые соблюдают особые высокие стандарты прав человека и защиты беженцев, государствам-членам должно быть разрешено не рассматривать или не рассматривать в полном объеме заявления о предоставлении международной защиты в отношении заявителей, которые въезжают на их территорию из такой европейской третьей страны.

(46) Применяя концепцию безопасной страны в каждом отдельном случае или определяя страну в качестве безопасной на основе соответствующих перечней, государства-члены должны также принимать во внимание, среди прочего, руководства, методические рекомендации, информацию о стране происхождения и мероприятиях, включая методический отчет по информации о стране происхождения Европейского бюро по вопросам предоставления убежища, который упоминается в Регламенте (ЕС) Европейского парламента и Совета от 19 мая 2010 г. № 439/2010 о создании Европейского бюро по вопросам предоставления убежища, а также соответствующие руководства УВКБ ООН.

(47) С целью содействия регулярному обмену информацией о применении на уровне государств понятий безопасной страны происхождения, безопасной третьей страны и безопасной европейской третьей страны, а также с целью обеспечения проведения Комиссией регулярной оценки использования данных понятий государствами – членами ЕС и подготовки к возможной дальнейшей гармонизации в будущем, государства-члены должны уведомлять или периодически информировать Комиссию о третьих странах, по отношению к которым применяются данные понятия.

Комиссия должна информировать Европейский парламент о результатах оценки на регулярной основе.

(48) Для обеспечения правильного применения понятия «безопасная страна», в основу которого положена актуальная информация, государства-члены должны систематически проводить обзор обстановки в таких странах, основываясь на нескольких источниках информации, в частности, на сведениях из других государств – членов ЕС, Европейского бюро по вопросам предоставления убежища, УВКБ ООН, Совета Европы и других международных организаций. При наличии значительных изменений в обстановке в области прав человека в стране, которая была определена как безопасная, государство – член ЕС должно обеспечить скорейшее проведение новой оценки данной обстановки и при необходимости пересмотреть статус такой страны как безопасной...».

48. Статья 31 Директивы о процедурах предоставления убежища под заголовком «Процедура рассмотрения» в соответствующих частях гласила:

«...8. В соответствии с основными принципами и гарантиями, предусмотренными главой II, государства-члены могут ускорить процедуру рассмотрения заявления или провести ее в пункте пограничного пропуска или в транзитной зоне согласно статье 43 в случае, если:

...(b) заявитель прибывает из безопасной страны происхождения в соответствии с определением настоящей Директивы...».

49. Статья 33 Директивы о процедурах предоставления убежища, озаглавленная «Заявления, неприемлемые для рассмотрения по существу», устанавливала следующее:

«1. В дополнение к случаям, когда заявление не рассматривается согласно положениям Регламента (ЕС) № 604/2013, государства-члены не обязаны рассматривать, можно ли квалифицировать заявителя в качестве лица, имеющего право на международную защиту, согласно Директиве 2011/95/EU, в тех случаях, когда в соответствии с положениями настоящей статьи заявление признано неприемлемым для рассмотрения по существу.

2. Государства-члены могут признать заявление о предоставлении международной защиты неприемлемым для рассмотрения по существу только, если:

(a) другое государство – член ЕС предоставило международную защиту;

(b) страна, которая не является государством – членом ЕС, считается первой страной, предоставившей убежище заявителю, согласно статье 35;

(c) страна, не являющаяся государством – членом ЕС, считается безопасной для заявителя третьей страной, согласно статье 38;

(d) заявление является повторным заявлением, в котором заявитель не представил или в котором не были обнаружены новые данные или заключения, касающиеся рассмотрения заявителя в качестве лица, имеющего право на международную защиту в соответствии с Директивой 2011/95/EU, или

(e) иждивенец заявителя подает заявление после того, как он/она дали свое согласие в соответствии с пунктом 2 статьи 7 на то, чтобы их заявление было частью заявления, поданного от его/ее имени, а факты, касающиеся обстоятельств иждивенца, которые могли бы оправдать подачу отдельного заявления, отсутствуют».

50. Статья 34 Директивы о процедурах предоставления убежища «Специальные правила, касающиеся собеседования на предмет приемлемости для рассмотрения по существу» в соответствующей части гласила:

«1. Государства-члены должны предоставить заявителям возможность представить свою точку зрения в отношении заявления касательно оснований, указанных в статье 33, в их конкретных обстоятельствах, до того, как уполномоченный орган власти примет решение о приемлемости заявления о предоставлении международной защиты для рассмотрения по существу. С этой целью государство – член ЕС должно провести личное собеседование на предмет приемлемости для рассмотрения по существу. Государства-члены могут делать исключения лишь в соответствии со статьей 42 в случае, если речь идет о повторном заявлении...».

51. В статье 35 Директивы о процедурах предоставления убежища под заголовком «Понятие первой страны убежища» устанавливалось следующее:

«Страна может считаться первой страной убежища в отношении заявителя, если:

(a) он/она были признаны беженцем в такой стране, и он/она могут по-прежнему пользоваться такой защитой, или

(b) он/она по иным основаниям имеют достаточную защиту в такой стране, включая распространение на них принципа запрета принудительного возвращения при условии, что он/она будут вновь допущены в такую страну.

Применяя концепцию первой страны убежища к конкретным обстоятельствам заявителя, государства-члены могут принять во внимание содержание пункта 1 статьи 38. Заявитель должен иметь возможность оспорить концепцию первой страны убежища применительно к своим конкретным обстоятельствам».

52. Статья 36 Директивы о процедурах предоставления убежища под заголовком «Понятие безопасной страны происхождения» гласила:

«1. Третья страна, которая считается безопасной страной происхождения в соответствии с настоящей Директивой, после рассмотрения конкретного заявления может быть признана безопасной страной происхождения в отношении конкретного заявителя лишь в случаях, когда:

(a) он/она являются гражданами такой страны, или

(b) он/она являются лицом без гражданства и ранее проживал/а на территории такой страны, а также если он или она не представили серьезных оснований для того, чтобы считать такую страну небезопасной страной происхождения в его/ее

конкретном случае и в ходе процедуры предоставления ему/ей статуса беженца в соответствии с Директивой 2011/95/EU.

2. Государства-члены должны установить в своем законодательстве дополнительные нормы и правила для применения понятия “безопасная страна происхождения”.

53. Статья 38 Директивы о процедурах предоставления убежища, озаглавленная «Понятие безопасной третьей страны», в соответствующих частях предусматривала следующее:

«1. Государства-члены могут применять концепцию безопасной третьей страны только тогда, когда компетентные органы убедятся в том, что с лицом, ищущим убежище, будут обращаться в третьей стране в соответствии со следующими принципами, если:

(а) его жизнь и свобода не подвергаются угрозе по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе и политических убеждений;

(b) отсутствует риск причинения серьезного ущерба согласно определению Директивы 2011/95/EU;

(с) соблюдается принцип запрета принудительного возвращения в соответствии с Женевской конвенцией;

(d) соблюдается принцип запрета переселений в нарушение права на свободу от пыток, жестокого, бесчеловечного и унижительного обращения, как предусмотрено международным правом, а также

(е) существует возможность ходатайствовать о предоставлении статуса беженца и в случае признания беженцем получить защиту в соответствии с Женевской конвенцией.

2. Понятие “безопасная третья страна” должно применяться с учетом правил, установленных в законодательстве страны, включая правила:

(а) предусматривающие необходимость наличия связи между заявителем и соответствующей третьей страной, которая бы обосновывала направление данного лица в эту страну¹;

¹ Что касается связи заявителя с третьей страной и того, обосновывает ли она направление заявителя в эту страну, Европейская комиссия установила, что во внимание могут приниматься такие факторы, как то, что заявитель проезжал транзитом через безопасную третью страну, или что третья страна географически расположена рядом со страной происхождения заявителя (см. коммуникацию Европейской комиссии Европейскому парламенту и Совету от 10 февраля 2016 г. № COM(2016)85, final, о положении дел в области имплементации приоритетных действий в соответствии с европейской повесткой дня в сфере миграции, с. 18). Однако, по мнению УВКБ, транзит сам по себе не является «достаточной связью» по смыслу пункта 2 статьи 38 Директивы 2013/32/EU, если отсутствует официальное соглашение о предоставлении полномочий в сфере присвоения статуса беженца между странами со сравнимыми системами и стандартами предоставления убежища (УВКБ, «Юридические соображения относительно возвращения лиц, требующих убежища, и беженцев из Греции в Турцию как части сотрудничества между ЕС и Турцией в области урегулирования миграционного кризиса с точки зрения понятий безопасной

(b) касающиеся методологии, с помощью которой компетентные органы власти устанавливают, что понятие “безопасная третья страна” может быть применено к конкретной стране или конкретному заявителю. Такая методология должна включать рассмотрение в каждом отдельном случае вопроса о безопасности страны для конкретного заявителя и/или определение на уровне страны государств, в целом считающихся безопасными;

(с) допускающие в соответствии с нормами международного права индивидуальное рассмотрение вопроса о том, является ли соответствующая третья страна безопасной для конкретного заявителя, что как минимум должно предоставлять заявителю возможность оспаривать применение концепции безопасной третьей страны на основании того, что применительно к его или ее конкретным обстоятельствам такая третья страна не является безопасной. Заявитель также должен иметь возможность оспаривать существование связи между ним и третьей страной согласно подпункту “а”.

3. Применяя решение, принятое исключительно на основании положений настоящей статьи, государства-члены обязаны:

(а) надлежащим образом информировать заявителя и

(b) предоставлять ему/ей документ, информирующий органы власти третьей страны на языке такой страны о том, что заявление не было рассмотрено по существу.

4. В тех случаях, когда третья страна не разрешает лицу, ходатайствующему о предоставлении международной защиты, въезд на свою территорию, государства-члены должны обеспечить предоставление доступа к процедуре в соответствии с основными принципами и гарантиями, описанными в главе II...».

54. Статья 39 Директивы о процедурах предоставления убежища «Понятие европейской безопасной третьей страны» в соответствующих частях устанавливала следующее:

«1. Государства-члены могут предусмотреть, что рассмотрение не проводится или не проводится полное рассмотрение заявления о предоставлении убежища, а также безопасности заявителя в его/ее конкретных обстоятельствах, как предусмотрено в главе II, в случаях, когда компетентный орган власти на основе фактов установил, что лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, намеревается нелегально прибыть или нелегально прибыло на их территорию из безопасной третьей страны в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи.

2. Третья страна может считаться для целей пункта 1 безопасной третьей страной, только если она:

(а) ратифицировала и соблюдает положения Женевской конвенции без каких-либо географических ограничений;

третьей страны и первой страны убежища», 23 марта 2016 г., с. 6: «Транзит часто является результатом случайных обстоятельств и необязательно предполагает наличие какой-либо значительной связи».

(b) имеет предусмотренную законодательством процедуру предоставления убежища и

(с) ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и соблюдает ее положения, включая стандарты, касающиеся эффективных средств правовой защиты.

3. Заявитель должен иметь право оспорить понятие европейской безопасной третьей страны на основании того, что такая третья страна не является безопасной, учитывая его/ее обстоятельства.

4. Соответствующие государства-члены должны предусмотреть в своем законодательстве механизмы выполнения положений пункта 1, а также последствия решений, принятых согласно этим положениям в соответствии с принципом запрета принудительного возвращения, включая исключения из применения настоящей статьи по гуманитарным или политическим соображениям или на основании международного публичного права.

5. В случае применения решения, принятого исключительно на основании настоящей статьи, государства-члены обязаны:

(a) надлежащим образом информировать заявителя;

(b) предоставлять ему/ей документ, информирующий органы третьей страны на языке такой страны о том, что его/ее заявление не было рассмотрено по существу.

6. В случае, когда безопасная третья страна не принимает лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, государства-члены должны обеспечить доступ к процедуре в соответствии с основными принципами и гарантиями, предусмотренными в главе II.

7. Государства-члены должны периодически информировать Комиссию о странах, по отношению к которым применяется данное понятие в соответствии с положениями настоящей статьи».

55. Статья 43 Директивы о процедурах предоставления убежища под заголовком «Пограничные процедуры» гласила:

«1. Государства-члены могут предусмотреть в соответствии с основными принципами и гарантиями главы II процедуры принятия решений на границе или в транзитных зонах государств – членов ЕС касательно:

(a) приемлемости для рассмотрения по существу заявлений, поданных в таких местах, согласно статье 33, и/или

(b) существа заявления в рамках процедуры, предусмотренной пунктом 8 статьи 31.

2. Государства-члены должны обеспечить, чтобы решение в рамках процедуры, предусмотренной в пункте 1, принималось в разумные сроки. Если решение не принято в течение четырех недель, заявителю разрешается въезд на территорию государства – члена ЕС для того, чтобы его/ее заявление было рассмотрено в соответствии с другими положениями настоящей Директивы.

3. В случае прибытия большого числа граждан третьих стран или лиц без гражданства, пода-

ющих заявления о предоставлении международной защиты на границе или в транзитной зоне, что на практике делает невозможным применение пункта 1, такие процедуры могут также применяться, когда и до тех пор, пока эти граждане третьих стран и лица без гражданства нормально размещаются в местах неподалеку от границы или транзитной зоны».

56. Статья 46 Директивы о процедурах предоставления убежища под заголовком «Право на эффективное средство правовой защиты» в соответствующих частях предусматривала следующее:

«1. Государства-члены должны обеспечить право заявителей на эффективное средство правовой защиты в суде или органе правосудия в отношении:

(a) решения, принятого по их заявлению о предоставлении международной защиты, включая решения:

... (ii) о признании заявления неприемлемым для рассмотрения по существу в соответствии с пунктом 2 статьи 33;

(iii) принятого на границе или в транзитных зонах государства – члена ЕС, как предусмотрено пунктом 1 статьи 43...

3. С целью соблюдения пункта 1 государство – член ЕС должно обеспечить, чтобы эффективное средство правовой защиты предполагало полное и *ex nunc* рассмотрение как фактов, так и вопросов права, включая в соответствующих случаях рассмотрение необходимости международной защиты согласно Директиве 2011/95/EU как минимум при рассмотрении дел в первой и апелляционной инстанциях».

57. В Постановлении от 21 декабря 2011 г. по делу «N.S. и M.E.» (дела №№ C-411/10 и C-493/10) Суд Европейского союза проанализировал, среди прочего, понятие «европейская безопасная третья страна». Суд Европейского союза установил, что законодательство Европейского союза запрещает применение неопровержимой презумпции того, что государство – член Европейского союза, которое несет ответственность в соответствии с Регламентом «Дублин II», соблюдает основные права Европейского союза. В частности, Суд Европейского союза указал следующее:

«103. ...Факт ратификации государством-членом конвенций сам по себе не может приводить к применению неопровержимой презумпции того, что данное государство соблюдает данные конвенции [...]

104. При таких обстоятельствах презумпция [...] того, что с лицами, ходатайствующими о предоставлении убежища, будут обращаться таким образом, который совместим с основными правами [...], должна рассматриваться как опровержимая...».

В параграфе 103 указанного постановления Суд Европейского союза специально подчеркнул, что данные выводы относятся как к государствам – членам Европейского союза, так и к третьим странам.

**В. ДИРЕКТИВА ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА ОТ 26 ИЮНЯ 2013 Г.
№ 2013/33/EU ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
СТАНДАРТОВ ПРИЕМА ЛИЦ,
ХОДАТАЙСТВУЮЩИХ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ
ИМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ
(ПЕРЕРАБОТАННАЯ) (ДАЛЕЕ – ДИРЕКТИВА
ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА)**

58. Статья 8 Директивы об условиях приема под заголовком «Содержание под стражей» гласит:

«1. Государства-члены не содержат лицо под стражей по той лишь причине, что данное лицо является заявителем в соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. № 2013/32/EU об общих процедурах предоставления и лишения международной защиты.

2. В случаях, когда содержание под стражей оказывается необходимым, государства-члены на основании индивидуальной оценки каждого случая могут содержать заявителя под стражей, если другие, менее принудительные меры не могут эффективно применяться.

3. Заявитель может содержаться под стражей только в следующих случаях:

(а) чтобы определить или проверить его или ее личность или гражданство;

(б) чтобы определить те элементы, на которых основано ходатайство о предоставлении международной защиты и которые невозможно получить без содержания под стражей, в частности, если существует опасность того, что заявитель скроется;

(с) чтобы принять решение в ходе процедуры о праве заявителя на въезд на территорию страны;

(д) если заявитель содержится под стражей в рамках процедуры возвращения, предусмотренной Директивой Европейского парламента и Совета от 16 декабря 2008 г. № 2008/115/ЕС об общих стандартах и процедурах в государствах-членах для возвращения незаконно пребывающих граждан третьих стран с целью подготовки возвращения и (или) осуществления процесса выдворения, а заинтересованное государство-член может обосновать, исходя их объективных критериев (в том числе того, что у заявителя уже была возможность получить доступ к процедуре предоставления убежища), существование веских причин считать, что заявитель подает ходатайство о предоставлении международной защиты лишь для того, чтобы затянуть или сорвать исполнение решения о возвращении;

(е) если этого требует охрана государственной безопасности или общественного порядка;

(ф) в соответствии со статьей 28 Регламента (ЕУ) Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. № 604/2013, устанавливающего критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении международной защиты, поданного в одном из государств-членов гражданином третьей страны или лицом без гражданства.

Основания для содержания под стражей устанавливаются в законодательстве страны.

4. Государства-члены обеспечивают, чтобы в законодательстве страны были установлены правила в отношении альтернатив содержанию под стражей, таких как регулярная явка в органы власти, внесение финансовой гарантии или обязательство находиться в назначенном месте».

**С. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ
СООБЩЕСТВОМ И РЕСПУБЛИКОЙ
СЕРБИЯ О РЕАДМИССИИ ЛИЦ,
ПРОЖИВАЮЩИХ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ**

59. Данное соглашение, одобренное Решением Совета от 8 ноября 2007 г. № 2007/819/ЕС, в соответствующих частях предусматривало следующее:

«Статья 3. Рeadмиссия граждан третьих стран и лиц без гражданства

1. По заявлению государства – члена ЕС и без дальнейших формальностей, за исключением тех, которые предусмотрены настоящим Соглашением, Сербия осуществляет реадмиссию в отношении всех граждан третьих стран или лиц без гражданства, которые (более) не соответствуют предусмотренным законом условиям для въезда или пребывания, или проживания на территории запрашивающего государства-члена при условии, что доказано или может обосновано утверждаться на основании предоставленных доказательств *prima facie*, что такие лица:

... (b) незаконно и непосредственно прибыли на территорию государств-членов после пребывания в Сербии или транзита через Серию...

4. После предоставления Сербией положительного ответа на заявление о реадмиссии запрашивающее государство – член ЕС выдает лицу, на реадмиссию которого было дано согласие, стандартный документ для целей выдворения».

**Д. РЕКОМЕНДАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
КОМИССИИ ГОСУДАРСТВАМ – ЧЛЕНАМ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТ 8 ДЕКАБРЯ
2016 Г. № 2016/2256 О ВОЗОБНОВЛЕНИИ
ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В ГРЕЦИЮ НА ОСНОВАНИИ
РЕГЛАМЕНТА ЕВРОПЕЙСКОГО
СОЮЗА № 604/2013**

60. Соответствующие пункты данной Рекомендации гласят:

«(1) Возвращение лиц, ищущих международной защиты, в Грецию на основании Регламента (Европейского союза) № 604/2013 (далее – Дублинский регламент) было приостановлено с 2011 года, после принятия двух постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд) и Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС), в которых были выявлены структурные недостатки системы предоставления убежища в Греции, в результате чего нарушались основные права лиц, ищущих международной защиты, возвращенных в Грецию

из других государств – членов ЕС на основании Регламента № 343/2003...

(8) В своих предыдущих рекомендациях Комиссия отметила, что изменения, которые были внесены в законодательство Греции с целью обеспечения того, чтобы новые правовые нормы переработанной Директивы о процедурах предоставления убежища № 2013/32/EU и некоторые положения переработанной Директивы об условиях приема № 2013/32/EU были имплементированы в законодательство Греции. Новый Закон № 4375/2016 был принят Парламентом Греции 3 апреля 2016 года. Парламент Греции 22 июня 2016 г. одобрил поправки к Закону № 4375/2016, в соответствии с которыми, *inter alia*, был изменен состав апелляционных комитетов и право лиц, ищущих убежища, на устное слушание в них. 31 августа 2016 г. Парламент Греции также принял закон, касающийся детей-беженцев школьного возраста, проживающих в Греции...

(33) Комиссия признает важный прогресс, достигнутый властями Греции с помощью Комиссии, Европейского бюро по вопросам предоставления убежища, государств-членов и неправительственных организаций, чтобы улучшить функционирование системы предоставления убежища в Греции после принятия Постановления по делу M.S.S.¹ в 2011 году. Однако Греция по-прежнему остается лицом к лицу с трудной ситуацией при рассмотрении большого количества новых ходатайств о предоставлении убежища, в частности, в связи с применением системы предварительной регистрации, продолжающегося прибытия нелегальных мигрантов, хотя и на более низком уровне, чем до марта 2016 года, а также с обязанностями Греции по имплементации Декларации Турция – ЕС...

(34) Тем не менее власти Греции достигли достаточного прогресса в ходе создания важных институционных и правовых структур для надлежащего функционирования системы предоставления убежища, и существуют хорошие перспективы создания в ближайшем будущем полностью функционирующей системы предоставления убежища после того, как будут устранены все остающиеся недостатки, в частности, в том, что касается условий приема и обращения с уязвимыми лицами, в том числе несовершеннолетними лицами без сопровождения. Таким образом, следует рекомендовать постепенное возобновление возвращений в Грецию на основе индивидуальных заверений с учетом возможности приема и обработки заявлений согласно соответствующему законодательству ЕС и с учетом того, что в настоящее время с некоторыми категориями лиц обращаются ненадлежащим образом, в частности, с уязвимыми лицами, включая несовершеннолетних лиц без сопровождения. Кроме того, возобновление не должно применяться ретроактивно, но должно касаться ищущих убежища лиц, в отношении которых власти Греции несут ответственность с определенной даты, чтобы избежать возложения на Грецию неприемлемого бремени. Рекомендуются установить, что такой датой является 15 марта 2017 г.».

¹ Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece) от 21 ноября 2011 г., жалоба № 30696/09.

III. РЕКОМЕНДАЦИИ И РУКОВОДСТВА СОВЕТА ЕВРОПЫ

61. В 1997 году Комитет министров Совета Европы опубликовал Руководство о применении понятия «безопасная третья страна»² к лицам, ходатайствующим о предоставлении убежища. Руководство предусматривало, что для определения того, является ли страна безопасной третьей страной, в которую лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, может быть отправлено, в каждом случае должны быть выполнены все критерии, указанные ниже:

«а) соблюдение третьей страной соответствующих международных стандартов прав человека в сфере предоставления убежища, установленных во всеобщих и региональных документах, включая запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания;

б) соблюдение третьей страной международных принципов в области защиты беженцев, закрепленных в Конвенции 1951 года и Протоколе о статусе беженцев от 1967 года, особенно принципа запрета принудительного возвращения;

с) третья страна предоставляет эффективную защиту от принудительного возвращения и возможность искать и получать убежище;

д) лицу, ходатайствующему о предоставлении убежища, уже была предоставлена эффективная защита в третьей стране или у данного лица была возможность на границе или в пределах территории третьей страны связаться с властями данной страны с целью получения защиты в этой стране до перемещения в государство, в котором было подано ходатайство о предоставлении убежища, или что в связи с личными обстоятельствами лица, ходатайствующего о предоставлении убежища, включая его или ее предшествующие отношения с третьей страной, существуют ясные доказательства того, что данное лицо может быть принято в третьей стране».

62. В дополнение к этому в данном Руководстве указывалось следующее:

«Государства должны предусмотреть порядок информирования ищущих убежища лиц и, постольку, поскольку это необходимо, властей третьей страны о том, что, когда страна считается безопасной, как изложено выше, ходатайства о предоставлении убежища, как правило, не рассматриваются по существу».

63. В 2009 году Комитет министров Совета Европы в своем Руководстве о защите прав человека в контексте ускоренной процедуры предоставления убежища³ потребовал, чтобы у всех ищущих убежища лиц была эффективная возможность опровергнуть презумпцию безопасности тре-

² Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 25 ноября 1997 г. № R(97)22 «Руководство по применению понятия «безопасная третья страна»».

³ Руководство Комитета министров Совета Европы о защите прав человека в контексте ускоренной процедуры предоставления убежища, 1 июля 2009 г., раздел VI. См. также пояснительный меморандум от 28 мая 2009 г. № CM(2009)51, add3.

твей страны, подчеркнув, что применение данного понятия не освобождало государство от его обязательств, предусмотренных в статье 3 Конвенции. Также было указано, что при применении понятия «безопасная третья страна» должны соблюдаться следующие критерии:

- «а) третья страна ратифицировала и имплементировала Женевскую конвенцию и Протокол 1967 года о статусе беженцев или эквивалентные правовые стандарты и другие соответствующие международные договоры в сфере прав человека;
- б) в ней эффективным образом соблюдается принцип запрета принудительного возвращения;
- с) у соответствующих лиц, ищущих убежища, есть доступ как согласно закону, так и на практике к полной и справедливой процедуре предоставления убежища в третьей стране с целью определения необходимости для него/нее международной защиты, и
- д) третья страна принимает лицо, ищущее убежища».

64. В своей Резолюции 1471(2005) об ускоренной процедуре рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в государствах – членах Совета Европы Парламентская Ассамблея Совета Европы указала, *inter alia*, следующее:

«...Парламентская Ассамблея призывает государства – члены Совета Европы:

...8.2) что касается понятия “безопасные страны происхождения”:

8.2.1) предоставить четкие и доказуемые гарантии обеспечения эффективного доступа к процедуре принятия решения по ходатайству, которая может завершиться предоставлением статуса беженца или международной защиты в иной форме;

8.2.2) принять все меры к тому, чтобы бремя доказательства того, что та или иная страна не является безопасной, не было возложено на заявителя; при этом заявителю должна быть предоставлена реальная возможность опровергнуть презумпцию безопасности;

8.2.3) в связи с предложением по выработке директивы Совета ЕС проявлять особую осмотрительность в вопросе составления перечня безопасных стран происхождения, что может привести к снижению стандартов защиты лиц, ищущих убежища, из этих стран и подорвать основополагающий принцип защиты беженцев, которая основывается на индивидуальной ситуации лица, ищущего убежища, а не на общем анализе и мнении о той или иной стране...».

IV. ДОКЛАДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

A. В ОТНОШЕНИИ ВЕНГРИИ

65. Доклад властям Венгрии, представленный по итогам визита в Венгрию ЕКПП с 21 по 27 октября 2015 г., содержал следующую информацию:

«ЕКПП отмечает усилия, предпринимаемые для того, чтобы предоставить информацию и юридическую помощь иностранным гражданам, содержащимся под стражей в связи с иммиграцией и поиском убежища. Однако отсутствие информации об их правовом положении, о предстоящих действиях в ходе соответствующих производств и длительность содержания под стражей воспринимались иностранными гражданами как главная проблема в большинстве учреждений, которые посетила делегация...

Что касается гарантий защиты иностранных граждан от принудительного возвращения, ЕКПП выражает сомнения ввиду соответствующей законодательной базы и ее применения на практике в том, сопровождалась ли пограничные процедуры предоставления убежища соответствующими гарантиями, предоставляли ли они иностранным гражданам реальную возможность представить их дела, и предполагали ли они индивидуальную оценку риска жестокого обращения в случае перемещения...

Делегация посетила две транзитные зоны, расположенные в Рёске и Томпа (*Tompa*), на территории Венгрии... Различные контейнеры служили офисами, залами ожидания, столовой и санузлами (с туалетами, раковинами, душевыми и водонагревателями), и около 10 из них использовались для размещения иностранных граждан. (В сноске: санитарные помещения были в хорошем состоянии и не нуждались в отдельных комментариях.)...

Площадь всех жилых контейнеров составляла около 13 кв. м. Они были оборудованы двумя – пятью кроватями с чистыми матрасами, подушками и постельным бельем. Контейнеры были светлыми и обеспечивали хороший доступ для дневного света и имели электрическое освещение, а также электрическое отопление. Кроме того, в обеих указанных выше транзитных зонах перед контейнерами была узкая обозначенная зона, отделенная от остальной территории, к которой у иностранных граждан был свободный доступ в течение дня.

Делегации удалось выяснить, что иностранные граждане содержались в транзитных зонах лишь в течение коротких промежутков времени (до 13 часов) и очень редко ночью. При этом, если иностранные граждане должны будут оставаться в транзитных зонах дольше, максимальная вместимость жилых контейнеров должна быть снижена, и они должны быть оборудованы базовой мебелью...

В целом у делегации сложилось благоприятное общее впечатление о местах предоставления медицинской помощи и о качестве медицинской помощи, предоставлявшейся иностранным гражданам во всех учреждениях, которые посетила делегация...

Кроме того, некоторые из иностранных граждан, с которыми общалась делегация, не знали о своем праве на доступ к адвокату, не говоря уже о праве на адвоката, назначенного *ex officio*. По словам нескольких иностранных граждан, сотрудники полиции сказали им, что такое право в Венгрии не существует. Более того, большинство иностранных граждан, которым был назначен адвокат *ex officio*, жаловались на то, что у них не было

возможности проконсультироваться с ним до их допроса сотрудниками полиции или до судебного заседания и что адвокат вел себя пассивно в течение всего допроса или судебного заседания. В данном контексте следует отметить, что несколько иностранных граждан утверждали, что они не были уверены, был ли им назначен адвокат, поскольку во время допросов и заседаний просто присутствовал незнакомый им человек, который не разговаривал с ними и не высказывался в их защиту...

Вместе с тем большинство иностранных граждан, опрошенных делегацией, утверждали, что они не были уведомлены о своих правах после их задержания полицией (не говоря уже об уведомлении на языке, который они могли понимать) и что все документы, которые они получали после въезда в страну, были составлены на венгерском языке...

...Многие иностранные граждане (в том числе несовершеннолетние без сопровождения) жаловались на качество услуг переводчиков и, в частности, на то, что их заставляли подписывать документы, составленные на венгерском языке, содержание которых им не переводилось и которые они, следовательно, не понимали...

...У ЕКПП есть серьезные сомнения в том, сопровождалась ли пограничные процедуры предоставления убежища соответствующими гарантиями, предоставляли ли они иностранным гражданам реальную возможность представить их дела, предполагали ли они индивидуальную оценку риска жестокого обращения в случае перемещения, и, таким образом, обеспечивали ли они эффективную защиту от принудительного возвращения, также с учетом того, что, по мнению УВКБ, Сербия не может считаться безопасной страной убежища в связи с недостатками ее системы предоставления убежища, в частности, ее неспособностью справиться с возрастающим количеством ходатайств о предоставлении убежища...».

66. Делегация ЕКПП посетила транзитную зону Рёске в октябре 2017 года. В своем докладе по итогам данного визита ЕКПП отметил, что транзитная зона была расширена, но лица, ходатайствовавшие о предоставлении убежища, могли передвигаться только в том секторе, в котором располагался их контейнер. Помещения поддерживались в хорошем санитарно-гигиеническом состоянии, и предпринимались усилия для того, чтобы предоставить лицам, которые содержались в транзитной зоне, возможности иметь какие-либо занятия. Однако почти все контейнеры были полностью заполнены, что означало, что в контейнере площадью 13 кв. м вынуждены были спать пять человек.

67. В докладе от 13 октября 2017 г. (SG/Inf(2017)33) по итогам проведения в июне 2017 года миссии по установлению фактов посол Томаш Бочек (*Tomáš Boček*), специальный представитель Генерального секретаря Совета Европы по вопросам миграции и беженцев, сделал, *inter alia*, следующие замечания относительно транзитной зоны Рёске. Он отметил, что территория тран-

зитной зоны была обнесена забором с колючей проволокой и всегда охранялась. Она была разделена на секторы, один из которых был предназначен для семей, другой – для одиноких мужчин. Сектор для одиноких мужчин состоял из одного ряда контейнеров, стоящих рядом, объединенных коридором шириной около 2 метров. Лица, которые содержались в одном секторе, могли посещать другие части транзитной зоны только для получения медицинской помощи или для участия в допросах с представителями уполномоченных органов власти, они всегда были в сопровождении охранников, даже на территории транзитной зоны. Также во время визита в июне 2017 года власти Венгрии информировали специального представителя о том, что средняя продолжительность нахождения в транзитной зоне составляла 33 дня, однако он разговаривал с лицами, которые упоминали о периодах содержания в транзитной зоне, которые составляли два месяца и более. Специальный представитель также описал условия проживания в транзитной зоне и отметил, что санитарные условия были хорошими, что содержащимся в них лицам предоставлялось трехразовое питание, в том числе одно горячее блюдо в день, и что в кабинете врача им оказывалась базовая медицинская помощь.

68. В докладе под заголовком «Венгрия как страна убежища. Замечания относительно ограничительных юридических мер и последующей практики с июля 2015 года по март 2016 года» («*Hungary as a country of asylum. Observations on restrictive legal measures and subsequent practice implemented between July 2015 and March 2016*»), опубликованном в мае 2016 года, УВКБ сделало следующие замечания:

«19. В дополнение к этому, как отмечено выше в пункте 15, Закон “О государственной границе” гласит, что лица, ищущие убежища, “временно размещаются” в транзитной зоне. Власти Венгрии утверждают, что такие лица не “лишены свободы”, поскольку они вправе покинуть транзитную зону в любое время в направлении, из которого они прибыли. Однако, как изложено выше в пункте 16, им не разрешен въезд в Венгрию. По мнению УВКБ, это сильно ограничивает свободу передвижения и может быть квалифицировано как лишение свободы. Как таковое оно должно регулироваться, *inter alia*, стандартами, установленными в переработанной Директиве ЕС об условиях приема...

71. В любом случае УВКБ по-прежнему придерживается мнения, высказанного в августе 2012 года в замечаниях относительно системы предоставления убежища в Сербии, о том, что лица, ищущие убежища, не должны возвращаться в Сербию. Несмотря на то, что количество ищущих убежища лиц, перемещающихся через данную страну, с тех пор значительно увеличилось, в результате чего у системы предоставления убежища Сербии осталось еще меньше возможностей реагировать в соответствии с международными стандартами, чем

раньше, многие из замечаний и выводов УВКБ, сделанных в августе 2012 года, остаются в силе. Например, с 1 января по 31 августа 2015 г. суд по мелким правонарушениям г. Канижа (*Kanjiža*) привлёк к ответственности 3150 граждан третьих стран, возвращённых в Сербию из Венгрии, за незаконное пребывание или незаконное пересечение границы и назначил в большинстве дел наказание в виде штрафа. Такие лица лишены права (вновь) обращаться с заявлением о предоставлении убежища в Сербию».

69. В докладе под заголовком «Пересекая границы: новая процедура предоставления убежища на границе и ограничения доступа к защите в Венгрии» (*Crossing Boundaries: The new asylum procedure at the border and restrictions to accessing protection in Hungary*) Европейского совета по делам беженцев и изгнанных (*European Council for Refugees and Exiles*, далее – ECRE) от 1 октября 2015 г. приведена следующая информация:

«В случае выдворения в Сербию [из Венгрии] возвращённым лицам на практике закрыт доступ к процедуре получения убежища и условиям приема в Сербию. После возвращения они подвергаются преследованию за незаконное пересечение границы, которое является преступлением, и наказываются штрафом или лишением свободы. На практике в отношении большинства лиц выносятся предупреждение и не применяется дальнейшее наказания после осуждения. Однако принятие решения суда сопровождается решением министерства о прекращении права ищущего убежища лица проживать на территории Сербии. После данного решения этим лицам не разрешается проживать в одном из функционирующих в стране лагерей для беженцев и в силу отсутствия зарегистрированного места жительства подавать ходатайство о предоставлении убежища в Сербию...

...[П]еремещения в Венгрию могут привести к возникновению для заявителей реального риска цепной депортации в Сербию, что на практике может привести к косвенному принудительному возвращению, что запрещено нормами о защите прав человека. Именно по этой причине ряд перемещений в Венгрию на основании Дублинского регламента были приостановлены судами Германии и Австрии.

Ввиду автоматического (ретроактивного) применения понятия “безопасная третья страна” к лицам, прибывающим из Сербии, и риска, связанного с их возвращением в Венгрию ECRE призывает государства-члены воздерживаться от перемещения лиц, ищущих международной защиты, в Венгрию на основании Дублинского регламента».

70. В «Информационном листке прецедентной практики: предупреждение перемещений в Венгрию на основании Дублинского регламента» (*Case Law Fact Sheet: Prevention of Dublin Transfers to Hungary*), опубликованном ECRE в январе 2016 года, указано следующее:

«В подавляющем большинстве недавних дел в связи с предупреждением перемещений в данную страну упоминаются изменения, которые были

внесены в Закон Венгрии об убежище в августе и сентябре. Кроме того, изменения, внесенные в законодательство Венгрии, привели к изменению политики в других странах, как на то указывает принятое в октябре 2015 года решение апелляционной коллегии по делам беженцев Дании о приостановлении всех перемещений в Венгрию на основании Дублинского регламента...

Вступление в силу в августе и сентябре 2015 года законодательства, создавшего правовую основу для возведения ограждения на границе между Венгрией и Сербией, во взаимосвязи с дальнейшими законодательными изменениями, предусматривающими введение уголовной ответственности за незаконный въезд и повреждение ограждения, привело к созданию крайне враждебной обстановки по отношению к лицам, ищущим убежища, и к нарушениям права на убежище, права на эффективный доступ к процедурам и непреследованию в уголовном порядке деяний в отношении беженцев...

Именно навязывание процедуры проверки приемлемости ходатайства для рассмотрения по существу в транзитных зонах и, в частности, основания неприемлемости для рассмотрения по существу, связанные с понятием “безопасная третья страна”, находились в центре прецедентной практики. Указ Правительства № 191/2015 (VII.21.) относит такие страны, как Сербия, к безопасным, что приводит к тому, что власти Венгрии объявляют все ходатайства о предоставлении убежища со стороны лиц, прибывших из Сербии, неприемлемыми для рассмотрения по существу. С учетом того, что транзитные зоны расположены на границе между Сербией и Венгрией, 99% ходатайств о предоставлении убежища были отклонены органом по вопросам иммиграции и гражданства без рассмотрения по существу на этом основании. Кроме того, явные нарушения процессуального права ЕС, к которым приводит данный процесс, были зафиксированы Венгерским Хельсинкским комитетом и ECRE. Из последних статистических данных следует, что этот процесс по-прежнему идет полным ходом, поскольку Комиссар по правам человека отметил, что с середины сентября до конца ноября 2015 года 311 из 372 неприемлемых для рассмотрения по существу ходатайств, рассмотренных на границе и в ходе ускоренной процедуры, были признаны таковыми на основании понятия “безопасная третья страна”. Ввиду явного отсутствия эффективного средства правовой защиты в отношении подобного решения и немедленного запрета на въезд на срок от одного до двух лет различные организации и судебные инстанции полагали, что Венгрия нарушила свои обязательства, связанные с запретом принудительного возвращения».

71. Организация «Международная амнистия» (*Amnesty International*) указала в своем докладе от 2015 года «На цепи – нарушения Венгрией прав беженцев и мигрантов» (*Fenced Out, Hungary's Violations of the Rights of Refugees and Migrants*) следующее:

«Лица, которые с 15 сентября находились в пограничном пункте Рёске/Хоргош (*Horgoš*), теоретически могли подать ходатайство о предоставлении убежища... Раз в час или в два часа сотрудник полиции в сопровождении переводчика с араб-

ского языка, с языков фарси или урду открывал дверь контейнера и в случайном порядке позволял группам от двух до пяти лиц пройти в “транзитную зону”. Люди входили, предполагая, что так они получат разрешение на въезд в Венгрию... [О]днако большинство из них сразу были возвращены в Сербию. Остальные оставались в импровизированном пограничном лагере в надежде, что границу в определенный момент откроют. Одни сдавались и покидали лагерь немедленно, другие оставались еще на несколько дней, а затем направлялись в Хорватию, поскольку становилось очевидно, что граница будет закрыта на неопределенный срок. Один мужчина, принадлежавший к группе лиц, перемещавшихся сирийских беженцев и покинувший импровизированный лагерь Рёске/Хоргош 16 сентября 2015 г. [по-видимому, в направлении Сербии], сообщил “Международной амнистии”: “Мы не пытались попасть в “транзитные зоны”. Мы слышали, что у всех, кто пытался, не вышло, и боялись, что не сможем больше попасть куда-либо еще после этого [в связи с регистрацией в Шенгенской информационной системе]”».

В. В ОТНОШЕНИИ СЕРБИИ

72. С 2001 года Сербия участвует в Конвенции о статусе беженцев 1951 года и в Протоколе к ней от 1967 года.

73. В докладе УВКБ «Сербия как страна убежища: замечания относительно положения лиц, ищущих убежища, и получателей международной помощи в Сербии» (*Serbia as a Country of Asylum: Observations on the Situation of Asylum-Seekers and Beneficiaries of International Protection in Serbia*), опубликованном в августе 2012 года, содержится следующая информация:

«37. Список безопасных стран, принятый Правительством Сербии, является, по мнению УВКБ, чрезмерно всеохватывающим и широко применяющимся...

38. Органы, уполномоченные в сфере предоставления убежища, применяют понятие “безопасная третья страна” ко всем ищущим убежища лицам, которые проезжали через указанные в списке страны, без обеспечения соответствующих гарантий в индивидуальном деле, таких как гарантии реадмиссии и доступа к процессу получения убежища в так называемой безопасной третьей стране...

75. Риск депортации в страны происхождения относительно невелик для лиц, перемещенных в Сербию на основании соглашений о реадмиссии. По имеющейся у УВКБ информации, несмотря на то, что Сербией заключены соглашения о реадмиссии с Европейским сообществом и ряд двусторонних соглашений с государствами – членами ЕС и другими, иностранные граждане переводятся в Сербию только из Венгрии, Хорватии, Боснии и Герцеговины. По задержании пограничной полицией в Сербии после возвращения граждан третьих стран обычно доставляют в местные суды и приговаривают к лишению свободы на короткий срок (от 10 до 15 суток) или к штрафу (размер которого обычно соответствует 50 евро)

за незаконное пересечение границы. В отношении них обычно выносятся приказ покинуть территорию Сербии в течение трех дней, но он не приводится в исполнение. Поскольку отсутствует какая-либо процедура выдворения, этим лицам обычно предоставляется возможность покинуть страну самостоятельно, и многие отправляются в Западную Европу.

76. Однако в ноябре 2011 года и затем в феврале 2012 года УВКБ получил сведения о том, что мигранты, перемещенные из Венгрии в Сербию, размещались в автобусы, на которых их отвозили напрямую в Македонию... Согласно другим данным нелегальных мигрантов задерживала полиция Сербии, после чего их аналогичным образом отправляли в Македонию...

79. ...Несмотря на постепенные улучшения, в частности, в том, что касалось стандартов приема, система предоставления убежища в Сербии была неспособна справиться с недавним увеличением числа лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища. Это выявило серьезные недостатки количества сотрудников, знаний, инфраструктуры, имплементации законодательства и поддержки властей... Действующая в настоящее время система явно неспособна обработать растущее количество ходатайств о предоставлении убежища таким образом, который был бы совместим с международными нормами и нормами ЕС. Данные нарушения, рассматриваемые в сочетании с тем фактом, что с апреля 2008 года статус беженца не был предоставлен ни в одном случае, убедительно доказывают, что система предоставления убежища в целом не обеспечивает соответствующего признания тем, кто нуждается в международной защите.

80. Необходимо создать справедливую и эффективную процедуру предоставления убежища, которая была бы не только совместима с существующей законодательной базой, но и способна соответствующим образом обеспечить обработку требований увеличивающегося количества лиц, ищущих убежища, согласно международным стандартам...

81. До окончательного создания в Сербии такой системы по обозначенным выше причинам УВКБ рекомендует не считать Сербию безопасной третьей страной убежища и не отправлять лиц, ищущих убежища, обратно в Сербию на этом основании».

74. В документе «Доклад по стране: Сербия» (*Country Report: Serbia*) (обновленном 31 декабря 2016 г.), подготовленном Информационной базой данных об убежище (*Asylum Information Database – AIDA*) и опубликованном ECRE, было указано, что «принятие нового закона об убежище [в Сербии], изначально предусмотренное в 2016 году, было отложено».

75. В докладе от 13 октября 2017 г. (№ SG/Inf(2017)33) по итогам состоявшейся в июне 2017 года миссии по установлению фактов посол Томаш Бочек, специальный представитель Генерального секретаря Совета Европы по вопросам миграции и беженцев, сделал, *inter alia*, следующие замечания в отношении Сербии:

«Доклады неправительственных организаций... указывают на то, что в 2016 году имели место упрощенные и коллективные выдворения иностранных граждан из Сербии в Македонию и Болгарию. Во время нашей миссии власти Сербии подтвердили, что имели место случаи возвращения беженцев и мигрантов из Сербии в упомянутые выше соседние страны...

Необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство тех, кто выразил намерение просить убежища в Сербии, не собираются оставаться в данной стране, поскольку их конечная цель заключается в том, чтобы попасть в другие европейские страны. Поэтому они не подают ходатайства о предоставлении убежища в Сербии или отказываются от продолжения процедуры получения убежища, если до этого подали такое ходатайство. За первые шесть месяцев 2017 года из 3 251 лица, которое заявило о своем намерении искать убежища, только 151 человек подал ходатайства о предоставлении убежища...».

76. По информации Белградского центра прав человека, неправительственной организации, за период с 1 апреля 2008 г. по 31 декабря 2014 г. власти Сербии предоставили статус беженца шести лицам и дополнительную защиту 12 лицам (Белградский центр прав человека, «Право на убежище в Республике Сербия» (*Right to Asylum in the Republic of Serbia*), 2014 год, с. 20).

77. Согласно принятому Правительством Сербии «Решению об определении списка безопасных стран происхождения и безопасных третьих стран», которое было опубликовано в официальной газете Республики Сербия под № 67/2009 и применялось в 2015 году, Македония, Греция и Турция среди других стран считались безопасными третьими странами.

С. В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ

78. В докладе «Македония как страна убежища» (*The former Yugoslav Republic of Macedonia As a Country of Asylum*), подготовленном УВКБ в августе 2015 года, отмечалось следующее:

«5. В Македонии действует закон об убежище – “Закон об убежище и временной защите”. В 2012 году в него были внесены значительные изменения, которые вступили в силу в 2013 году. УВКБ участвовало в процессе их разработки, пытаясь обеспечить соответствие законодательства международным стандартам. В настоящий момент в закон инкорпорированы многие ключевые положения Конвенции 1951 года. Кроме того, положения закона о дополнительной защите соответствуют стандартам ЕС. Закон предусматривает некоторые права наравне с гражданами для тех, кто пользуется международной защитой, а также бесплатную юридическую помощь на всех стадиях процедуры получения убежища. Тем не менее некоторые ключевые положения по-прежнему не соответствуют международным стандартам. В ответ на резкое увеличение нелегальной миграции в “Закон об убежище и временной защите”

недавно снова были внесены поправки с целью изменить предшествующие ограничительные правила предоставления убежища в Македонии, что привело к возникновению для лиц, ищущих убежища, риска произвольного лишения свободы и отказов во въезде на границе. Новые изменения, принятые 18 июня 2015 г., вводят процедуру регистрации намерения подать ходатайства о предоставлении убежища на границе, защищают лиц, ищущих убежища, от риска принудительного возвращения и позволяют им въезжать и находиться на территории страны в течение короткого промежутка времени, равного 72 часам, до того, как они официально зарегистрируют свое ходатайство о предоставлении убежища...

46. Несмотря на эти позитивные изменения, УВКБ полагает, что на практике в системе предоставления убежища сохраняются значительные недостатки. В то время, когда публикуется данный доклад, Македония не может обеспечить того, чтобы лица, ищущие убежища, имели доступ к справедливой и эффективной процедуре предоставления убежища... Ненадлежащие процедуры предоставления убежища приводят к низкому уровню признания даже для того меньшинства лиц, ищущих убежища, которые остаются в Македонии для ожидания результатов рассмотрения их ходатайств».

ПРАВО

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ВЕНГРИИ

А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРАВИЛА ШЕСТИМЕСЯЧНОГО СРОКА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 35 КОНВЕНЦИИ

79. Как и при рассмотрении дела в Палате Европейского Суда, власти Венгрии утверждали, что жалоба на нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, касающаяся предполагаемого отсутствия средств правовой защиты в отношении условий проживания в пограничной транзитной зоне Рёске, была подана с нарушением правила шестимесечного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции. Заявители призывали Большую Палату Европейского Суда согласиться с выводами Палаты о том, что жалоба была подана с соблюдением этого срока и являлась приемлемой для рассмотрения по существу.

80. В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции Европейский Суд может отклонить жалобы, которые он считает неприемлемыми для рассмотрения по существу, «на любой стадии разбирательства». Таким образом, даже в ходе рассмотрения дела по существу и без ущерба для положений правила 55 Регламента Европейского Суда Большая Палата может пересмотреть решение о признании жалобы приемлемой для рассмотрения по существу (см., например, Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Фабиан против Венгрии» (Fábián v. Hungary) от 5 сентября 2017 г., жалоба № 78117/13¹, § 89, с дальнейшими ссылками).

81. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле течение шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции, в отношении рассматриваемой жалобы началось 9 октября 2015 г., на следующий день после того, как заявители покинули транзитную зону (см. выше § 8), и закончилось 8 апреля 2016 г. (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабри Гюнеш против Турции» (Sabri Güneş v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, § 44).

82. Решающее значение имеет вопрос о том, была ли рассматриваемая жалоба сформулирована в меморандуме, представленном с соблюдением срока. При разбирательстве дела в Палате Европейского Суда заявители ссылались на несколько абзацев их письма от 25 сентября 2015 г. и на формуляр жалобы от 13 октября 2015 г., утверждая, что спорная жалоба содержалась в них. Палата Европейского Суда сочла, что спорная жалоба была сформулирована в письме заявителей от 25 сентября 2015 г., то есть с соблюдением срока (см. §§ 3 и 92–95 Постановления Палаты Европейского Суда).

83. В частности, заявители ссылались на следующий абзац их письма от 25 сентября 2015 г. (оригинал на английском языке):

«Положения действующего законодательства Венгрии не позволяют судам пересматривать законность лишения свободы, условия, в которых заявители/граждане третьих стран содержатся в транзитной зоне, или устанавливать предельный срок лишения свободы».

84. Европейский Суд отмечает, что данный абзац содержится в подразделе, касающемся исключительно вопроса о том, являлось ли нахождение в транзитной зоне лишением свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. В том же письме от 25 сентября 2015 г., насчитывающем 15 страниц, содержится подраздел о физических условиях содержания в транзитной зоне и предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции в этой связи, однако в нем нет жалобы на отсутствие эффективного средства правовой защиты. При таких обстоятельствах представляется, что упоминание об «условиях, в которых заявители... содержатся в транзитной зоне», в указанном выше абзаце касается условий, касающихся вопросов о том, имело ли место лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции, и было ли оно законным. Ссылку на статью 13 Конвенции в письме от 25 сентября 2015 г. можно найти только в связи со средствами правовой защиты в отношении решения о выдворении заявителей.

85. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда для подачи жалобы и прерывания течения шестимесячного срока необходимо ясное указание на фактическое основание жалобы и на характер предполагаемого нарушения Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фабиан против Венгрии», § 94, Постановление Европейского Суда по делу «Абуева и другие против Российской Федерации» (Abuyeva and Others v. Russia) от 2 декабря 2010 г., жалоба № 27065/05², § 222, и Решение Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства» (Allan v. United Kingdom) от 28 августа 2001 г., жалоба № 48539/99). Согласно пункту 7 Практической инструкции о возбуждении дела, принятой Председателем Европейского Суда на основании правила 32 Регламента Европейского Суда, в редакции, действовавшей на момент представления заявителями формуляра их жалобы, датированного 13 октября 2015 г., заявители должны изложить жалобы и предоставить информацию, «достаточную для того, чтобы позволить Европейскому Суду определить характер и пределы жалобы». Двусмысленные фразы или отдельные слова не являются достаточными для того, чтобы признать, что та или иная жалоба была заявлена.

86. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда полагает, что упомянутый выше абзац слишком двусмыслен, чтобы рассматривать его как содержащий спорную жалобу.

87. Большая Палата Европейского Суда также рассмотрела письмо от 25 сентября 2015 г. и формуляр жалобы от 13 октября 2015 г. в остальной части, но не смогла обнаружить в них жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, касающейся предполагаемого отсутствия средств правовой защиты в отношении условий содержания в транзитной зоне Рёске. Важное значение имеет тот факт, что данные документы были составлены адвокатом и содержали подробную мотивировку, изложенную в отдельных подразделах по каждой жалобе. Маловероятно, что, если бы заявители намеревались представить спорную жалобу, они бы не посвятили ей отдельный пункт или подраздел. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что эта жалоба не была подана заявителями в сентябре или октябре 2015 года.

88. Оспариваемая жалоба впервые была упомянута в замечаниях заявителей от 29 августа 2016 г., через много времени после истечения шестимесячного срока. Она вновь была сформулирована позднее в дополнительных замечаниях заявителей по делу от 28 ноября 2016 г.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 7 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 2 (примеч. редактора).

89. Из изложенного следует, что надо согласиться с предварительным возражением властей Венгрии и что жалоба на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, касающаяся предполагаемого отсутствия средств правовой защиты в отношении условий содержания в транзитной зоне Рёске, должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции, как поданная по истечении шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ О НАЛИЧИИ У ЗАЯВИТЕЛЕЙ СТАТУСА ЖЕРТВЫ

90. Власти Венгрии при разбирательстве дела в Большой Палате Европейского Суда вновь утверждали, что у заявителей отсутствует статус жертвы в отношении их жалобы на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в связи с их выдворением в Сербию. Отметив, что заявители никогда не жаловались ни властям Сербии, ни Европейскому Суду на принудительную высылку из Сербии или на жестокое обращение в этой стране, власти Венгрии считали, что данный факт является решающим доказательством того, что в ходе процедуры получения убежища в Венгрии заявители не подвергались риску, поэтому они не могли утверждать, что в какое-либо время являлись жертвами предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции по смыслу статьи 34 Конвенции.

91. Заявители с этим не согласились, как и при рассмотрении дела в Палате Европейского Суда. Она отклонила предварительный довод властей Венгрии и объявила жалобу на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу (см. §§ 103–107 Постановления Палаты Европейского Суда).

92. Европейский Суд полагает, что поднятый властями Венгрии вопрос о том, имел ли место реальный риск жестокого обращения в случае перемещения в Сербию, может касаться существа жалобы заявителей на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции, но не требования о статусе жертвы, которое содержится в статье 34 Конвенции.

93. Что касается данного требования, достаточно отметить, что заявители были непосредственно затронуты действиями и решениями, на которые они жаловались, поскольку решение о выдворении имело окончательную юридическую силу и подлежало исполнению, а за ним последовало перемещение заявителей из Венгрии в Сербию. При таких обстоятельствах заявители могли утверждать, что они являлись жертвами предполагаемого

нарушения Конвенции в связи с их возвращением в Сербию (см. изложение соответствующего подхода, например, в Постановлении Европейского Суда по делу «Виджаянатан и Пуспараджа против Франции» (Vijayanathan and Pusparajah v. France) от 27 августа 1992 г., жалобы №№ 17550/90 и 17825/91, §§ 43–47).

94. Кроме того, отмечая, что власти Венгрии не утверждали, что по делу произошли и другие события, например, что они приняли те или иные меры в пользу заявителей и признали нарушение, что привело бы к лишению заявителей статуса жертвы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. Netherlands) от 26 апреля 2016 г., жалоба № 10511/10¹, § 83), Европейский Суд отклоняет предварительное возражение властей Венгрии, касающееся соблюдения требования статьи 34 Конвенции о статусе жертвы.

С. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ТОМ, ЧТО В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ ВЛАСТИ ВЕНГРИИ ПРИМЕНЯЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

95. Власти Венгрии указали, что они действовали, руководствуясь законодательством Европейского союза, поэтому полномочия Европейского Суда были ограничены.

96. Европейский Суд напоминает, что даже при применении законодательства Европейского союза Договаривающиеся Государства остаются связанными обязательствами, которые они добровольно приняли на себя при присоединении к Конвенции. Однако при наличии двух условий: отсутствия у властей страны пространства для маневра и использования всего потенциала надзорного механизма, предусмотренного в законодательстве Европейского союза, – данные обязательства должны рассматриваться с учетом презумпции соответствия Конвенции, установленной в прецедентной практике Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авотиньш против Латвии» (Avotiņš v. Latvia) от 23 мая 2016 г., жалоба № 17502/07², § 105, с дальнейшими ссылками). Договаривающееся Государство продолжает нести ответственность в соответствии с Конвенцией в полном объеме за все действия, не попадающие в сферу его строгих международных обязательств (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Авиакомпания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарэт Аноним Ширкэти”

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 7 (примеч. редактора).

против Ирландии» (Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland) от 30 июня 2005 г., жалоба № 45036/98, § 157).

97. В настоящем деле соответствующее законодательство Европейского союза (см. выше §§ 47–58) состояло из директив, которые не предусматривали обязанности властей Венгрии действовать таким образом, как власти государства-ответчика в настоящем деле, в том числе содержать заявителей в транзитной зоне, запрещать им въезд в Венгрию на основании того, что существовала другая безопасная страна, и объявлять Сербию безопасной третьей страной. Власти Венгрии пользовались дискреционными полномочиями, предоставленными им законодательством Европейского союза, и оспариваемые меры, принятые ими, не относились к сфере строгих международных юридических обязательств Венгрии. Следовательно, презумпция эквивалентной защиты со стороны правовой системы Европейского союза не может быть применима в настоящем деле, и власти Венгрии по-прежнему несут полную ответственность за принятые ими меры в соответствии с Конвенцией (см. аналогичный вывод в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece) от 21 ноября 2011 г., жалоба № 30696/09, § 340).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЕЙ В СЕРБИЮ

98. Заявители утверждали, что их выдворение в Сербию подвергало их реальному риску обращения, несовместимого со статьей 3 Конвенции. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

99. Палата Европейского Суда отметила, что с января 2013 года по июль 2015 года власти Венгрии не считали Сербию безопасной третьей страной, и они не предоставили убедительного объяснения или причин для изменения отношения к Сербии, особенно в свете оговорок УВКБ и весьма авторитетных правозащитных организаций. Палата Европейского Суда далее отметила, что власти Венгрии не пытались исключить возможность того, что после возвращения в Сербию заявители могли быть затем выдворены в Грецию, условия приема беженцев в которой не соответствовали стандартам Конвенции. Принимая во внимание иные процессуальные нарушения, Палата

Европейского Суда пришла к выводу, что заявителям не были предоставлены какие-либо эффективные гарантии защиты от реального риска быть подвергнутыми бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

100. Заявители утверждали, что их перемещение в Сербию подвергало их реальному риску обращения, несовместимого со статьей 3 Конвенции, поскольку (а) существовал риск того, что им не позволят остаться в Сербии или начать процедуру получения убежища, (б) существовал риск цепной высылки, и (с) отсутствовали перспективы доступа к соответствующим условиям приема или к соответствующей защите с учетом их уязвимости.

101. В частности, власти Венгрии знали, что заявителям не будут разрешены въезд и пребывание на территории Сербии, но, тем не менее, они выдворили их в нарушение процедуры, предусмотренной соответствующим соглашением о реадмиссии, и без получения заверений от властей Сербии. В день выдворения заявителей власти государства-ответчика оставили их одних на территории Венгрии, на выходе их транзитной зоны, и заставили их незаконно пересечь границу. Кроме того, была известна практика властей Сербии, задокументированная омбудсменом Сербии в 2014 году и УВКБ в 2016 году, в соответствии с которой лицам, вернувшимся из Венгрии, не разрешалось обращаться с ходатайством о предоставлении убежища или иметь доступ к условиям приема. Другие существовавшие в Сербии практики, указанные органами ООН и неправительственными организациями, состояли в том, чтобы привлекать граждан третьих стран к ответственности за незаконное пересечение границы, несмотря на их статус лиц, ищущих убежища, и на риск преследований и злоупотреблений.

102. Заявители, ссылаясь на доклады органов ООН и неправительственных организаций, утверждали, что риск цепной высылки и перемещений из Сербии в Республику Северная Македония и затем в Грецию был подтвержден документально. Органы по предоставлению убежища в Сербии подтвердили в письме от октября 2016 года, что понятие «безопасная третья страна» применялось без получения гарантий доступа к их территории и процедурам получения убежища. Действовавший в Сербии список безопасных третьих стран включал в себя Македонию, Грецию и Турцию, и лица, ищущие убежища, обычно автоматически возвращались туда.

103. Заявители далее утверждали, что власти Венгрии должны были знать, что лица, которые

находились в положении заявителей, не получают доступа к условиям приема в Сербии и что в любом случае эти условия были несоответствующими.

104. По мнению заявителей, соответствующее законодательство Венгрии и процесс принятия решений в их деле были неадекватными, не предоставляли необходимых гарантий и не обеспечивали эффективных средств правовой защиты на практике.

105. В частности, и первая, и вторая процедуры предоставления убежища в деле заявителей были проведены поспешно, и срок для подачи жалоб составлял лишь семь дней, что лишало заявителей возможности опровергнуть презумпцию того, что Сербия была безопасной третьей страной для них. Более того, каждый из заявителей был допрошен только один раз в ходе первой процедуры и не имел возможности получить предварительную информацию или юридическую помощь. У них не было возможности встретиться с адвокатом до первого слушания по их делу, а в ходе второй процедуры адвокат не был надлежащим образом извещен о времени допроса. Помощь переводчика предоставлялась не на родном языке заявителей и была плохого качества. Ни на одной из стадий заявителям не была предоставлена адекватная процессуальная информация на языке, который они могли понимать, или информация о доказательствах, на основании которых правило о безопасной третьей стране было применено в их деле. Кроме того, и органы по предоставлению убежища, и суд г. Сегеда не обратили внимания на информацию о стране и на юридические доводы, представленные им. В своем решении от 5 октября 2015 г. суд г. Сегеда ограничился тем, что рассмотрел вопрос о соблюдении органом предоставления убежища предыдущего судебного постановления. Наконец, заявителей заставили покинуть транзитную зону без надлежащего уведомления о соответствующих решениях, отказав им в праве подать заявление о судебном пересмотре их возможного выдворения и сопутствующих решений.

106. По мнению заявителей, их ходатайства о предоставлении убежища были оставлены без удовлетворения только на основании автоматического применения установленного властями Венгрии списка безопасных третьих стран. Власти не приняли во внимание широко доступные сведения из надежных источников о недостатках системы предоставления убежища в Сербии и о реальном положении дел в стране, а также индивидуальные обстоятельства заявителей. Вместо того, чтобы обратить внимание на возможные риски в случае возвращения заявителей в Серию, власти лишь отметили, что заявители не представили доказательств того, что в прошлом они подвергались жестокому обращению или что им было отказано в эффективной защите во время их транзита через Серию. Ввиду медицинского

заключения о психическом здоровье заявителей власти должны были рассмотреть информацию о ненадлежащих условиях приема лиц, возвращенных в Серию, с которыми, как известно, обращались не так, как с вновь прибывшими туда.

107. Наконец, заявители утверждали, что, поскольку оценка ситуации властями не соответствовала стандартам Конвенции, власти Венгрии не могли утверждать в настоящем деле, что отсутствовал риск обращения, несовместимого с требованиями статьи 3 Конвенции. Они также не могли утверждать, что заявители не представили доказуемого требования, связанного со статьей 3 Конвенции, в отношении их страны происхождения: всё это были недопустимые домыслы, поскольку процедура неприемлемости для рассмотрения по существу в деле заявителей исключала любую оценку рисков в отношении страны происхождения.

2. Власти Венгрии

108. Власти Венгрии подчеркнули важность проведения различия между правом искать убежища, признанным в международном праве, и подразумеваемым правом быть допущенным в страну по своему выбору с целью искать убежища. Чтобы не создавать почву для неверного представления о существовании права на получение убежища в стране, обеспечивающей наилучшую защиту, необходимо тщательное и реалистичное толкование любого предполагаемого риска принудительного возвращения и уровня тяжести, необходимого для применения статьи 3 Конвенции.

109. По мнению властей Венгрии, УВКБ пыталось смягчить последствия гуманитарных катастроф путем пропаганды права лиц, ищущих убежища, на поиск наиболее благоприятной страны и направления усилий государств к созданию всё более высоких стандартов защиты. Эти действия получали одобрение неправительственных и гуманитарных организаций, а также тех, кто искал дешевую рабочую силу в Европе. Однако в эпоху глобализации быстро распространяется мнение о том, что каждый имеет право переехать в Европейский союз и пользоваться благами социального государства, и становится невозможным препятствовать фиктивным беженцам попасть в Европейский союз, соблюдая при этом стандарты, за которые выступает УВКБ. Практическая невозможность выдворения мигрантов без документов, у которых не было права на международную защиту, сделала иммиграцию неконтролируемой. Это вызывает социальную напряженность, чувство беспомощности и ощущение потери суверенитета в соответствующих государствах. Поиск мигрантами наиболее благоприятной страны отнимает средства для поиска международным сообществом коллективных решений по устройству беженцев

или улучшению их положения в первой стране убежища. В этом отношении поиск наиболее благоприятной страны нарушает статью 17 Конвенции.

110. Власти Венгрии считали, что только возвращение к нормам «устоявшегося международного права» способно предупредить эскалацию европейского миграционного кризиса. Решение глобальных проблем миграции может быть найдено только в коллективных действиях суверенных государств при условии возвращения им возможности эффективного предупреждения злоупотреблений.

111. Власти Венгрии утверждали, что для заявителей не было какой-либо опасности в стране их происхождения, в Бангладеш. Их изложения своих личных ситуаций и поездок в Западную Европу были противоречивыми и периодически изменялись с учетом их требований. Поскольку заявители не представили *prima facie* доказательств преследований в стране их происхождения, риск принудительного возвращения заявителей из Сербии отсутствовал.

112. Власти Венгрии утверждали, что внутреннегосударственное законодательство, принятое в 2015 году, было основано на возможности, предоставленной законодательством ЕС. Венгрия рассматривала Сербию, государство-кандидат для вступления в Европейский союз, как безопасную третью страну, поскольку Сербия согласилась принять на себя обязательства, предусмотренные соответствующими международными договорами и требованиями Европейского союза, и пользовалась поддержкой Европейского союза для проведения реформ и улучшения условий приема беженцев. В любом случае законодательство Венгрии лишь устанавливало презумпцию, которая могла быть опровергнута в индивидуальных делах. Заявитель мог быть возвращен в третью страну, только если власти были убеждены в том, что это не приведет к прямому или косвенному принудительному возвращению. Внесение в 2015 году изменений в законодательство, в результате которых Сербия была отнесена к числу безопасных третьих стран, было необходимо в связи с беспрецедентной волной миграции, которая отягчалась все увеличивающимся злоупотреблением правом искать убежища, в том числе фиктивными беженцами, и поиском наиболее благоприятной страны настоящими беженцами. Изменения были предназначены для того, чтобы сделать процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища более быстрыми и эффективными с сохранением соответствующих гарантий.

113. Низкий процент удовлетворенных ходатайств о предоставлении убежища в Сербии не является результатом неэффективности системы предоставления убежища, а связан с тем, что лица, подающие такие ходатайства, покидают Сербию до завершения процедур. В 2015 году (вплоть до 31 июля) 66 428 человек просили убежища в Сербии на границе и были направлены в центры

приема беженцев, но только 486 из них явились в данные центры. Остальные покинули Сербию до завершения или даже до начала процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. То же самое происходило в Венгрии до марта 2017 года, когда власти начали вводить стадию рассмотрения ходатайств по существу в пограничных транзитных зонах: если процент признания беженцами в Венгрии до этого составлял 0,5, с тех пор он увеличился до 46%.

114. Более того, отсутствовали доклады УВКБ и рассмотренные Европейским Судом дела, которые бы свидетельствовали о том, что Сербия нарушила принцип запрета принудительного возвращения. В докладе УВКБ от августа 2012 года, упомянутом в Постановлении Палаты Европейского Суда, не указывалось, что Сербия не соблюдала принцип запрета принудительного возвращения. Напротив, в § 75 этого доклада указывалось, что риск депортации был относительно невелик и что ищущим убежища лицам даже после реадмиссии обычно разрешалось продолжить путь в Западную Европу. Палата Европейского Суда проигнорировала данный вывод. Она ошибочно процитировала § 76 того же доклада, согласно которому в 2011–2012 годах нелегальные мигранты, возвращенные в Сербию властями Венгрии, при возможности возвращались властями Сербии в Македонию: в докладе не уточнялось, являлись ли эти нелегальные мигранты лицами, ищущими убежища, или экономическими мигрантами, и обращались ли они с ходатайством о предоставлении убежища в Сербии. В дополнение к этому доклад УВКБ был составлен в 2012 году, тогда как в 2014 году Закон Сербии об убежище был изменен, а система предоставления убежища и условия приема были улучшены при финансовой поддержке Европейского союза. Более того, органы власти Венгрии, уполномоченные в сфере предоставления убежища, подробно объяснили причины, по которым они не были согласны с некоторыми выводами, сделанными в докладах, на которые ссылались заявители, особенно с докладом УВКБ 2012 года.

115. У заявителей была возможность опровергнуть презумпцию безопасной третьей страны, которая была применена в их деле, однако они представили лишь общие возражения, не ссылаясь на индивидуальный риск. Это было неудивительно с учетом их противоречивых утверждений по вопросу о том, получал ли первый заявитель какие-либо документы от властей Сербии, о торговцах людьми, которые впервые были упомянуты им в ходе последнего слушания, о продолжительности нахождения второго заявителя в Сербии и о том, просил ли он убежища в данной стране. В отличие от того, что утверждали заявители, бремя доказывания не было перенесено на них, поскольку от них не требовалось представить доказательства неудовлетворительного положения беженцев

в Сербии в целом. Соответствующие общеизвестные факты были приняты во внимание властями Венгрии по собственной инициативе последних без того, чтобы заявители были обязаны их доказывать. Заявители должны были лишь указать, каким образом они лично были затронуты предполагаемыми нарушениями.

116. Тот факт, что заявители не были переданы властям Сербии в соответствии с процедурой реадмиссии, а просто вернулись в Сербию, не препятствовал им просить убежища в Сербии, если бы они того захотели: их правовой статус был таким же, как и у ищущих убежища лиц, нелегально прибывших из других государств. Кроме того, заявители ясно дали понять, что они не собирались просить убежища в Сербии, поэтому предполагаемые недостатки сербской системы предоставления убежища не имели значения.

117. Наконец, что касается риска обращения, несовместимого со статьей 3 Конвенции, в связи с условиями приема в Сербии, ничто не указывало на то, что заявители не имели бы еды, жилища или доступа к нормальным санитарным условиям. УВКБ не было зафиксировано каких-либо серьезных нарушений в этом отношении, в отличие от Греции.

С. ТРЕТЬИ СТОРОНЫ ПО ДЕЛУ

118. Власти Болгарии утверждали, что в делах о выдворении и возвращении для того, чтобы была задействована косвенная ответственность выдворяющего государства, Европейский Суд должен прежде всего проверить наличие реального риска жестокого обращения в стране происхождения. Если лица, ищущие убежища, возвращались в третью «промежуточную» страну, то Европейскому Суду следует в дополнение к этому установить, достигали ли условия проживания и содержания лиц, ищущих убежища, в этой стране уровня тяжести, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Установление нарушения без тщательного анализа упомянутых выше аспектов может привести к наплыву жалоб и риску блокирования системы предоставления убежища. Власти Болгарии полагали, что в делах о выдворении в государство, являющееся стороной Конвенции, ответственность выдворяющего государства может быть установлена только в очень исключительных обстоятельствах, таких, которые имели место в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда «M.S.S. против Бельгии и Греции» в отношении Греции.

119. Власти Польши в отношении утверждений о риске жестокого обращения в стране назначения отмечали, *inter alia*, что, как правило, иностранному гражданину необходимо представить соответствующие доказательства властям страны. Власти страны не могут нести ответственность за

нарушение их международных обязательств, если они провели своевременную оценку потенциальных рисков, надлежащим образом принимая во внимание принцип запрета принудительного обращения. Власти Польши также утверждали, что государства – члены Европейского союза имели право в соответствии с Директивой о процедурах предоставления убежища принимать списки безопасных третьих стран, и подчеркнули в этой связи, что правопорядок Европейского союза обеспечивал соблюдение основных прав, в том числе надзор и контроль со стороны институтов Европейского союза.

120. Власти Российской Федерации подчеркнули, что, не проверив основания ходатайств о предоставлении убежища, Европейский Суд размывает различие между мигрантами и беженцами и тем самым ставит под угрозу защиту, в которой нуждаются последние.

121. УВКБ представил обобщение соответствующих норм международного права и права Европейского союза относительно понятия «безопасная третья страна». УВКБ утверждало, в частности, что данное понятие могло применяться в случаях, когда лицо могло обратиться за международной защитой в «предыдущем государстве», но не сделало этого. Выдворяющее государство должно оценивать надлежащий характер выдворения в отношении каждого лица отдельно и с полным соблюдением соответствующих процессуальных гарантий, независимо от того, признавалась ли третья страна в целом безопасной. Такая оценка должна включать рассмотрение вопросов о том, будет ли лицо принято обратно в третью страну, будет ли ему предоставлен доступ к справедливой и эффективной процедуре определения наличия необходимости международной защиты, будет ли ему разрешено остаться в этой стране, и будут ли с ним обращаться в соответствии с международным правом, в том числе с принципом запрета принудительного возвращения.

122. В своем совместном меморандуме Совет по делам беженцев Дании, Европейский совет по делам беженцев и Международная комиссия юристов представили обзор соответствующего международного права и законодательства Европейского союза относительно принципа запрета принудительного возвращения, понятия «безопасная третья страна» и лишения свободы в контексте процедуры предоставления убежища.

Д. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Ответственность властей Венгрии за выдворение заявителей

123. В связи с тем, что власти Венгрии утверждали, что заявители покинули транзитную зону

добровольно, можно рассматривать это как довод о том, что власти государства-ответчика не несли ответственность за их выдворение, Европейский Суд отмечает следующее: было принято вступившее в силу решение о выдворении заявителей и то, каким образом заявители вернулись в Сербию, свидетельствовало о том, что они поступили так не по своей воле (см. выше § 40). Таким образом, власти Венгрии несут ответственность за выдворение заявителей.

2. Соответствующие принципы

(а) Общие принципы в делах о выдворении

124. Запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, установленный статьей 3 Конвенции, является одной из наиболее фундаментальных ценностей демократических обществ. Он также относится к ценностям цивилизации, тесно связанным с соблюдением человеческого достоинства, которое является частью самой сути Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии» (Khlaifia and Others v. Italy) от 15 декабря 2016 г., жалоба № 16483/12, § 158).

125. У Договаривающихся Государств есть признанное устоявшимся международным правом и вытекающее из их обязательств по международным договорам, в том числе Конвенции, право контролировать въезд, пребывание и выдворение иностранных граждан (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., жалобы №№ 9214/80, 9473/81, 9474/81, § 67, и Постановление Европейского Суда по делу «Мохаммади против Австрии» (Mohammadi v. Austria) от 3 июля 2014 г., жалоба № 71932/12, § 58). Право на политическое убежище не закреплено в Конвенции или Протоколах к ней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шарифи против Австрии» (Sharifi v. Austria) от 5 декабря 2013 г., жалоба № 60104/08, § 28).

126. Однако депортация, экстрадиция или любая иная мера по выдворению иностранного гражданина может вызывать проблемы с точки зрения статьи 3 Конвенции и тем самым затрагивать ответственность Договаривающегося Государства в соответствии с Конвенцией, если будет доказано наличие существенных оснований полагать, что в случае выдворения лицо будет подвергаться реальному риску обращения, запрещенному статьей 3 Конвенции, в принимающей стране. При таких обстоятельствах статья 3 Конвенции предполагает обязанность не выдворять данное лицо в эту страну (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства»

(Soering v. United Kingdom) от 7 июля 1989 г., жалоба № 14038/88, §§ 90–91, Постановление Европейского Суда по делу «Вильвараджа и другие против Соединенного Королевства» (Vilvarajah and Others v. United Kingdom) от 30 октября 1991 г., жалоба № 13163/87 и четыре другие, § 103, Постановление Европейского Суда по делу «Н.Л.Р. против Франции» (H.L.R. v. France) от 29 апреля 1997 г., жалоба № 24573/94, § 34, Постановление Европейского Суда по делу «Салах Шеekh против Нидерландов» (Salah Sheekh v. Netherlands) от 11 января 2007 г., жалоба № 1948/04, § 135, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (Hirsi Jamaa and Others v. Italy) от 23 февраля 2012 г., жалоба № 27765/09, § 114).

127. Оценка наличия или отсутствия существенных оснований полагать, что заявитель подвергается реальному риску обращения, нарушающего статью 3 Конвенции, обязательно должна быть тщательной (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чahal против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15 ноября 1996 г., жалоба № 22414/93, § 96) и неизбежно предполагать рассмотрение властями страны и затем Европейским Судом условий в принимающей стране на предмет их соответствия стандартам статьи 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey) от 4 февраля 2005 г., жалоба № 46827/99 и 46951/99, § 67). Данные стандарты предусматривают, что жестокое обращение, с которым, по утверждению заявителя, он столкнется по возвращении, должно достигать минимального уровня жестокости для того, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка этого уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хилал против Соединенного Королевства» (Hilal v. United Kingdom) от 6 марта 2001 г., жалоба № 45276/99, § 60).

(b) Обязанность выдворяющего государства в делах о выдворении лица, ищущего убежища, в третью страну без рассмотрения заявления о предоставлении убежища по существу

128. В контексте жалоб на выдворение лиц, ищущих убежища, Европейский Суд рассматривал дела, касавшиеся самых разных ситуаций, в том числе выдворений в страну происхождения заявителя (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden) от 23 марта 2016 г., жалоба № 43611/11¹) и в третьи стра-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2015. № 4 (примеч. редактора).

ны, а также связанные с ними риски (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракхель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*) от 4 ноября 2014 г., жалоба № 29217/12). Несмотря на то, что основные принципы, упомянутые в трех предыдущих параграфах, применяются при любых обстоятельствах, лежащие в их основе проблемы и, следовательно, содержание обязательств выдворяющего государства согласно Конвенции могут различаться.

129. В делах, в которых власти приняли решение о выдворении лиц, ищущих убежища, в третью страну, Европейский Суд отмечал, что это обстоятельство не влияет на ответственность Договаривающегося Государства в отношении его обязательства не депортировать их, если доказано наличие существенных оснований полагать, что в результате исполнения данного решения лицо прямо (то есть в данной третьей стране) или косвенно (например, в стране происхождения или иной стране) будет подвергаться обращению, несовместимому с требованиями статьи 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», §§ 342, 343 и 362–368, с дальнейшими ссылками).

130. Однако если Договаривающееся Государство намерено выдворить лицо, ищущее убежища, в третью страну без рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища по существу, обязательство государства не подвергать лицо реальному риску обращения, несовместимого с требованиями статьи 3 Конвенции, соблюдается иным образом по сравнению со случаями возвращения в страну происхождения.

131. Если в последнем случае власти выдворяющей страны проверяют обоснованность ходатайства о предоставлении убежища и, следовательно, рассматривают предполагаемые риски в стране происхождения, в первом случае главный вопрос, который им надлежит разрешить, заключается в том, будет ли у соответствующего лица доступ к надлежащей процедуре предоставления убежища в принимающей третьей стране. Это связано с тем, что выдворяющее государство действует на основании того, что рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища по существу будет проводить принимающая третья страна в случае подачи такого заявления в соответствующие органы данной страны. В дополнение к этому основному вопросу, если предполагаемый риск быть подвергнутым обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, касается, например, условий содержания или проживания лиц, ищущих убежища в принимающей третьей стране, данный риск также подлежит оценке властями выдворяющего государства.

132. Что касается Договаривающихся Государств, к которым применяется Директива Европейского союза о процедурах предоставления убежища, статьи 33, 38 и 43 этой Директивы, с учетом пунктов 38–48 ее Преамбулы (см. выше §§ 47, 49, 53 и 55), предусматривают возможность принятия государством законодательства, позволяющего при определенных условиях отказаться от рассмотрения ходатайств о предоставлении международной помощи по существу (то есть воздержаться от рассмотрения вопроса о том, имеет ли лицо право на международную защиту, и, следовательно, вопроса о рисках в стране происхождения) и вместо этого рассмотреть приемлемость ходатайства для рассмотрения по существу по смыслу упомянутой выше Директивы Европейского союза (в частности, когда можно разумно предполагать, что другая страна рассмотрит ходатайство по существу или предоставит лицу защиту). При выборе последней возможности и признании ходатайства о предоставлении убежища неприемлемым рассмотрение дела по существу не проводится в стране, в которой принято такое решение.

133. Как Европейский Суд указал в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мохаммади против Австрии», § 60, в деле, касающемся выдворения между двумя государствами – членами Европейского союза и применения Регламента «Дублин II», выдворяющее государство должно убедиться в том, что процедура предоставления убежища в промежуточной стране обеспечивает достаточные гарантии того, что лицо не будет возвращено прямо или косвенно в страну его происхождения без надлежащей оценки рисков, существующих для него по смыслу статьи 3 Конвенции (см. также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 358, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шарифи против Австрии», § 30, Решение Европейского Суда по делу «T.I. против Соединенного Королевства» (*T.I. v. United Kingdom*) от 7 марта 2000 г., жалоба № 43844/98, и Решение Европейского Суда по делу «K.R.S. против Соединенного Королевства» (*K.R.S. v. United Kingdom*) от 2 декабря 2008 г., жалоба № 32733/08).

134. Европейский Суд хотел бы добавить, что во всех случаях выдворения лица, ищущего убежища, из Договаривающегося Государства в третью промежуточную страну без рассмотрения по существу ходатайства о предоставлении убежища, независимо от того, является ли принимающая третья страна членом Европейского союза или нет, участвует ли она в Конвенции или нет, на выдворяющее государство возложена обязанность тщательно рассмотреть вопрос о наличии реального риска того, что в принимающей третьей стране ищущее убежище лицо будет лишено

доступа к надлежащей процедуре предоставления убежища, обеспечивающей защиту от принудительного возвращения. Если установлено, что существующие гарантии в этом отношении не являются достаточными, статья 3 Конвенции предполагает обязанность не выдворять ищущих убежища лиц в эту страну.

135. Власти Венгрии при поддержке третьих сторон по делу, властей Болгарии и Российской Федерации, по-видимому, придерживались мнения о том, что упомянутая выше обязанность не возникает, когда, как предположительно в настоящем деле, соответствующие лица являются не беженцами, а мигрантами, в отношении которых не существует риска жестокого обращения в их стране происхождения (см. выше §§ 108–111, 118 и 120).

136. Европейский Суд отмечает, что относительно ищущих убежища лиц с необоснованными требованиями или, тем более, не имеющими доказуемых требований в связи с каким-либо соответствующим риском, вызывающим необходимость защиты, Договаривающиеся Государства вправе без ущерба для их международных обязательств отклонять требования этих лиц по существу и возвращать их в страну происхождения или в третью страну, которая их примет. Форма данного рассмотрения по существу, разумеется, зависит от серьезности требований и представленных доказательств.

137. Однако если Договаривающееся Государство выдворяет лиц, ищущих убежища, в третью страну без рассмотрения по существу их ходатайств о предоставлении убежища, важно не упускать из виду тот факт, что в подобной ситуации может быть невозможно узнать, подвергнутся ли выдворяемые лица риску обращения, запрещенному статьей 3 Конвенции, в их стране происхождения, или они являются просто экономическими мигрантами. Только посредством юридической процедуры, завершающейся принятием юридического решения, можно прийти к выводу по этому вопросу и сослаться на него. При отсутствии таких выводов выдворению в третью страну должно предшествовать тщательное рассмотрение вопроса о том, предоставляет ли процедура получения убежища в данной стране достаточные гарантии того, что лицо не будет прямо или косвенно выдворено в страну его происхождения без надлежащей оценки рисков, которые угрожают ему по смыслу статьи 3 Конвенции. В отличие от того, что утверждали власти Венгрии, сделанный постфактум вывод о том, что ищущее убежища лицо не подвергалось риску в стране своего происхождения, то если данный вывод сделан в ходе производства на внутригосударственном или на международном уровне, не может ретроспективным образом освободить государство от его процессуальной обязанности, о которой шла речь

выше. Если бы дело обстояло иным образом, ищущие убежища лица, которым угрожает смертельная опасность в стране происхождения, могли бы законно в упрощенном порядке быть отправлены в «небезопасные» третьи страны. На практике данный подход сделал бы бессмысленным запрет жестокого обращения в делах о выдворении ищущих убежища лиц.

138. Безусловно, Европейский Суд признает довод Венгрии о том, что существуют случаи злоупотреблений со стороны лиц, которые не нуждаются в защите в стране происхождения, однако он полагает, что Договаривающиеся Государства могут разрешить эту проблему без сокращения гарантий от жестокого обращения, предусмотренных статьей 3 Конвенции. В этом отношении, если Договаривающиеся Государства принимают решение о выдворении лица в безопасную третью страну без рассмотрения по существу его ходатайства о предоставлении убежища, достаточно тщательно проверить, может ли система предоставления убежища в данной стране соответствующим образом справиться с данными требованиями. В качестве альтернативы, как указано выше, власти также могут принять решение отклонить необоснованные ходатайства о предоставлении убежища после их рассмотрения по существу, если не установлено каких-либо рисков в стране происхождения.

(с) Характер и содержание обязанности убедиться в том, что третья страна является «безопасной»

139. На основании устоявшихся принципов, лежащих в основе прецедентной практики Европейского Суда по статье 3 Конвенции в отношении выдворения лиц, ищущих убежища, Европейский Суд полагает, что упомянутая выше обязанность требует от внутригосударственных властей при применении понятия «безопасная третья страна» проводить тщательное рассмотрение соответствующих условий в данной третьей стране и, в частности, доступности и надежности системы предоставления убежища в этой стране (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece), §§ 344–359 и 365–368). В этом отношении могут быть применимы Рекомендации Комитета министров Совета Европы и его Руководство, упомянутое выше в §§ 61–63, а также Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1471(2005) (см. выше § 64).

140. Более того, некоторые принципы, выработанные в прецедентной практике Европейского Суда, в отношении оценки рисков в стране происхождения лица, ищущего убежища, также применяются, *mutatis mutandis*, к рассмотрению внутригосударственными властями вопроса о том, является

ся ли третья страна, из которой прибыло лицо, ищущее убежища, «безопасной» (см. подход, изложенный в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», §§ 346–352 и 358–359).

141. В частности, несмотря на то, что обязанность подтверждения индивидуальных обстоятельств, о которых не могут знать внутригосударственные власти, возложена на лица, ищущие убежища, власти должны по собственной инициативе провести оценку ситуации на настоящий момент, в частности, доступности и функционирования в принимающей стране системы предоставления убежища и гарантий, которые она предоставляет на практике. Данная оценка должна проводиться в основном в отношении фактов, которые известны властям страны в момент выдворения, но в обязанность властей входит поиск всей соответствующей общедоступной информации по этому вопросу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шарифи против Австрии», §§ 31–32). Общие недостатки, зафиксированные в пользуемых признании докладах таких организаций, как, в частности, УВКБ, Совет Европы и органы Европейского союза, как правило, считаются известными (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», §§ 346–350, а также, *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «F.G. против Швеции», §§ 125–127). Выдворяющее государство не может просто предположить, что с лицом, ищущим убежища, в третьей стране будут обращаться в соответствии со стандартами Конвенции, наоборот, его власти должны проверить, как законодательство данной страны об убежище применяется на практике (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 359).

3. Задача Большой Палаты Европейского Суда с учетом данных принципов и фактов дела

142. Как указано выше, содержание обязанностей выдворяющего государства, предусмотренных статьей 3 Конвенции, различается в зависимости от того, является ли принимающая страна страной происхождения или третьей страной для лица, ищущего убежища, и от того, было ли ходатайство о предоставлении убежища рассмотрено по существу в выдворяющем государстве. Следовательно, задачи Европейского Суда, как правило, являются разными во всех упомянутых выше категориях дел, без ущерба для жалоб, поданных соответствующим заявителем.

143. В настоящем деле, основываясь на статье 51 Закона Венгрии об убежище (см. выше

§ 41), которая предусматривала, что при определенных обстоятельствах ходатайства о предоставлении убежища являются неприемлемыми для рассмотрения по существу, и отражала тот выбор, который был сделан властями Венгрии при транспонировании соответствующего законодательства Европейского союза, власти Венгрии не рассматривали по существу ходатайства заявителей о предоставлении убежища, то есть вопрос о том, подвергались ли заявители риску жестокого обращения в стране происхождения, Бангладеш, а признали их неприемлемыми для рассмотрения по существу на основании того, что заявители прибыли из Сербии, которая, по мнению властей Венгрии, была безопасной третьей страной и, следовательно, могла обеспечить рассмотрение ходатайств заявителей о предоставлении убежища по существу (см. выше §§ 23, 34 и 36).

144. В результате суть жалоб заявителей на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции (см. выше § 100) заключается в том, что они были выдворены, несмотря на ясные указания на то, что в Сербии у них не будет доступа к надлежащей процедуре получения убежища, в ходе которой им была бы обеспечена защита от принудительного возвращения. Задача Европейского Суда в настоящем деле заключается прежде всего в том, чтобы рассмотреть данную основную жалобу (см. аналогичный подход в Постановлении Европейского Суда по делу «Бабаджанов против Турции» (*Babajanov v. Turkey*) от 10 мая 2016 г., жалоба № 49867/08¹, § 43, *in fine*, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шарифи против Австрии», § 33).

145. Поскольку решение властей Венгрии о выдворении заявителей в Сербию не было связано с ситуацией в Бангладеш и существом ходатайств заявителей о предоставлении убежища, в задачу Европейского Суда не входит рассмотрение вопроса о том, угрожало ли заявителям жестокое обращение в Бангладеш. Подобный анализ не имел бы отношения к вопросу о том, выполнили ли власти Венгрии свои процессуальные обязательства, предусмотренные статьей 3 Конвенции, в настоящем деле.

146. В этом отношении Европейский Суд не упускает из виду тот факт, что в его постановлениях по некоторым делам о выдворении лиц, ищущих убежища, в третьи промежуточные страны без рассмотрения по существу ходатайств о предоставлении убежища выдворяющим государством отмечалось, что утверждения заявителей о рисках, существующих в стране происхождения, были доказуемыми, что может рассматриваться как то, что Европейский Суд высказывает свою позицию в контексте статьи 3 Конвенции

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 2 (примеч. редактора).

относительно того, были ли риски, упомянутые в отношении страны происхождения, доказуемыми (см. среди прочих примеров упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Т.І. против Соединенного Королевства», и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 344), а также в качестве противоположного подхода см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Мохаммади против Австрии», §§ 64–75, «Шарифи против Австрии», §§ 26–39, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тарахель против Швейцарии», §§ 93–122, и Решение Европейского Суда по делу «Мохаммед Хуссейн и другие против Нидерландов и Италии» (Mohammed Hussein and Others v. Netherlands and Italy) от 2 апреля 2013 г., жалоба № 27725/10, §§ 62–79).

147. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда, воспользовавшись таким преимуществом, как возможность ознакомиться с замечаниями сторон именно по данному вопросу, полагает, что в задачу Европейского Суда не входят выполнение функции суда первой инстанции и рассмотрение тех или иных аспектов ходатайств об убежище по существу в ситуации, когда власти государства-ответчика приняли законное решение не оценивать данные аспекты и в то же время обосновали решение о выдворении со ссылкой на понятие «безопасная третья страна». Вопрос о том, существуют ли доказуемые утверждения относительно рисков в стране происхождения, уместен в делах, в которых власти выдворяющего государства рассмотрели данные риски.

148. Следовательно, принимая во внимание факты дела и жалобы заявителей на предположительно несоответствующий подход властей Венгрии, Европейский Суд должен проверить: 1) приняли ли власти во внимание общедоступную информацию о Сербии и ее системе предоставления убежища соответствующим образом и по собственной инициативе, и 2) была ли предоставлена заявителям достаточная возможность доказать, что Сербия не являлась безопасной третьей страной в их конкретном деле.

149. Наконец, Европейскому Суду, возможно, также придется рассмотреть жалобу заявителей на то, что власти Венгрии не приняли во внимание предположительно ненадлежащие условия приема лиц, ищущих убежища, в Сербии (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тарахель против Швейцарии», § 105).

150. Подход Европейского Суда к рассмотрению данных вопросов должен определяться принципом, вытекающим из статьи 1 Конвенции, в соответствии с которым основная ответственность за имплементацию и исполнение закрепленных в ней прав и свобод возложена на внутригосударствен-

ные власти. Механизм подачи жалоб в Европейский Суд является субсидиарным по отношению к системам защиты прав человека государств-ответчиков. В задачу Европейского Суда не входит подменять оценку фактов, проведенную судами страны, своей собственной. Вместе с тем Европейский Суд должен убедиться в том, что оценка властей Договаривающегося Государства является адекватной и в достаточной степени подтверждается материалами, исходящими как от Договаривающегося Государства, так и от других надежных и объективных источников (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «F.G. против Швеции», §§ 117–118).

4. Выполнили ли власти Венгрии свои процессуальные обязательства, предусмотренные статьей 3 Конвенции

151. Европейский Суд отмечает, что в деле заявителей власти Венгрии ссылались на список «безопасных третьих стран», установленный Указом Правительства Венгрии № 191/2015 (VII.21) (см. выше § 44). Следствием данного списка было создание презумпции того, что упомянутые в нем страны были безопасными.

152. Конвенция не запрещает Договаривающимся Государствам устанавливать списки стран, которые презюмируются безопасными для лиц, ищущих убежища. Государства – члены Европейского союза принимают такие списки, в частности, на условиях, предусмотренных статьями 38 и 39 Директивы о процедурах предоставления убежища (см. выше § 53 и последующие). Однако Европейский Суд полагает, что любая презумпция о том, что та или иная страна является «безопасной», если на ней основывается решение в отношении лица, ищущего убежища, должна с самого начала в достаточной степени подтверждаться анализом соответствующих условий в данной стране и, в частности, ее системы предоставления убежища.

153. Презумпция, рассматриваемая в настоящем деле, была установлена в июле 2015 года, когда власти Венгрии изменили свою предшествующую позицию и объявили Сербию безопасной третьей страной. Утверждения властей Венгрии, сделанные в ходе разбирательства в Большой Палате Европейского Суда, как представляется, подтверждают, что основаниями для такого изменения послужили следующие факторы: Сербия была связана соответствующими международными конвенциями, как кандидат на вступление в Европейский союз она пользовалась поддержкой для улучшения ее системы предоставления убежища, а также имела место беспрецедентная волна миграции, в связи с чем необходимо было принимать меры (см. выше § 112).

154. В то же время Европейский Суд отмечает, что в своих замечаниях, представленных Европейскому Суду, власти Венгрии не упомянули о каких-либо фактах, доказывающих, что в процессе принятия решения об установлении презумпции в 2015 году была проведена тщательная оценка риска отсутствия эффективного доступа к процедуре получения убежища в Сербии, в том числе риска принудительного возвращения в эту страну.

155. Европейский Суд не упускает из виду те трудности, с которыми столкнулись власти Венгрии в соответствующий период 2015 года, когда огромное количество иностранных граждан просили международной защиты или разрешения на въезд в Западную Европу на границе Венгрии. Вместе с тем абсолютный характер запрета жестокого обращения, предусмотренный статьей 3 Конвенции, предписывает адекватным образом рассматривать риски, связанные с соответствующей третьей страной.

156. Обращаясь к индивидуальной оценке, проведенной уполномоченным органом и судами Венгрии в деле заявителей, Европейский Суд отмечает, что в своих решениях они ссылались на упомянутую выше презумпцию и на общедоступную информацию о некоторых предполагаемых рисках в Сербии. Они также рассмотрели вопрос о том, существовали ли какие-либо конкретные индивидуальные риски для заявителей (см. выше §§ 34 и 36).

157. Европейский Суд также отмечает, что заявители, у которых был представитель, имели возможность в ходе производства подать замечания в отношении как первого, так и второго решения уполномоченного органа. Адвокаты заявителей представили в суде подробные письменные и устные замечания. В ходе всего производства по вопросу предоставления убежища заявители имели возможность общаться с властями и судом через переводчика с языка урду, языка, который они понимали (см. выше §§ 26–28 и 30–35). При таких обстоятельствах Европейский Суд не готов придать значительный вес доводам заявителей относительно сроков и предполагаемых нарушений технического характера.

158. Тем не менее Европейский Суд не убежден доводом властей Венгрии о том, что административные органы власти и суды тщательно проанализировали доступную для них общую информацию, касавшуюся риска автоматического выдворения заявителей из Сербии без эффективного доступа к процедуре получения убежища. В частности, из материалов дела не следует, что власти Венгрии в достаточной степени приняли во внимание согласующиеся между собой общие сведения о том, что в соответствующий период ищущие убежища лица, возвращенные в Сербию, подвергались реальному риску выдворения в упрощенном

порядке в Республику Северная Македония и затем в Грецию и, следовательно, риску подвергнуться содержанию в условиях, несовместимых с требованиями статьи 3 Конвенции, в Греции.

159. Безусловно, как указывали власти Венгрии, статистические данные о количестве положительных решений по вопросу о предоставлении убежища в Сербии или аналогичные данные искажены в связи с тем, что многие лица, ищущие убежища, не остаются в Сербии и стремятся попасть в Западную Европу. Однако существовали и другие надежные источники, которые, как представляется, не были надлежащим образом учтены властями Венгрии. В частности, значительный риск принудительного возвращения из Сербии следовал из выводов УВКБ, сделанных в докладе от августа 2012 года (и подтвержденных в докладе от мая 2016 года) (см. выше § 73), и иных доступных источников (см. выше §§ 69 и 77): отсутствие в тот момент у административных органов Сербии возможности и средств для того, чтобы рассматривать ходатайства о предоставлении убежища в соответствии с международными стандартами и обеспечить защиту от принудительного возвращения, случаи помещения иностранных граждан, возвращенных в Сербию из Венгрии, в автобусы, следующие прямо к границе с Северной Македонией, случаи отказа в праве обращаться за получением убежища в Сербии лицам, возвратившимся из Венгрии, информацию об автоматическом применении сербского списка безопасных третьих стран к тем, кто проезжал, помимо прочего, через Северную Македонию и Грецию. Сведения, касавшиеся упомянутых выше рисков, были подтверждены в документах, принятых позднее (см. выше §§ 68 и 75).

160. По мнению Европейского Суда, уполномоченный орган и внутригосударственный суд только мельком упомянули о докладе УВКБ и другой соответствующей информации, не рассматривая по существу или достаточно подробно конкретные риски, на которые в них указывалось, в частности, на риск произвольного выдворения в конкретной ситуации, в которой находились два заявителя (см. выше §§ 34 и 36). Несмотря на то, что у заявителей была возможность дать подробные показания в ходе производства на внутригосударственном уровне и на то, что у них был представитель, Европейский Суд не убежден в том, что это означало, что власти Венгрии придали достаточное значение рискам отказа в доступе к эффективной системе получения убежища в Сербии.

161. Важное значение имеет также тот фактор, что риск выдворения из Сербии в упрощенном порядке в другие страны мог быть снижен в данном конкретном случае, если бы власти Венгрии организовали возвращение заявителей в Сербию упорядоченным образом или с помощью перего-

воров с властями Сербии. Однако заявители не были возвращены в соответствии с каким-либо соглашением между властями Венгрии и Сербии, их заставили пересечь границу с Сербией, не приложив каких-либо усилий для того, чтобы получить те или иные гарантии (см. выше § 40 и критерий «d» Руководства Комитета министров Совета Европы от 2009 года, изложенный выше в § 63). Это усилило риск отказа в доступе к процедуре получения убежища в Сербии и, следовательно, выдворения в упрощенном порядке из Сербии в Северную Македонию, а затем в Грецию (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракель против Швейцарии», §§ 120–122, в котором с учетом конкретных обстоятельств дела Европейский Суд счел решающим в отношении потенциального нарушения статьи 3 Конвенции получение властями Швейцарии гарантий от властей Италии).

162. Наконец, что касается довода властей Венгрии о том, что все государства – участники Конвенции, в том числе Сербия, Северная Македония и Греция, имеют равные обязательства, и на власти Венгрии не должно накладываться дополнительное бремя в виде обязанности компенсировать недостатки их систем предоставления убежища, Европейский Суд полагает, что данный довод не является достаточным для того, чтобы оправдать тот факт, что Венгрия, власти которой приняли решение не рассматривать ходатайства заявителей о предоставлении убежища по существу, не выполнили своего процессуального обязательства, вытекающего из абсолютного характера запрета жестокого обращения, предусмотренного статьей 3 Конвенции (см. подход Европейского Суда в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Папошвили против Бельгии» (*Paposhvili v. Belgium*) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 41738/10¹, § 193).

163. В целом, принимая во внимание, в частности, то обстоятельство, что отсутствовали достаточные основания для решения властей Венгрии об установлении общей презумпции в отношении Сербии как безопасной третьей страны, что в деле заявителей при вынесении решения о выдворении не были приняты во внимание авторитетные заключения УВКБ относительно реального риска отказа в доступе к эффективной процедуре получения убежища в Сербии

и выдворения в упрощенном порядке из Сербии в Северную Македонию, а затем в Грецию, и что власти Венгрии усилили риски, которые угрожали заявителям, заставив их вернуться в Сербию незаконным образом, вместо того, чтобы договориться о порядке их возвращения, Европейский Суд приходит к выводу, что власти Венгрии не выполнили свою процессуальную обязанность, предусмотренную статьей 3 Конвенции, по оценке рисков обращения, запрещенного данным положением Конвенции, до выдворения заявителей из Венгрии.

164. Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Европейский Суд мог сделать вывод о нарушении статьи 3 Конвенции.

165. С учетом данного вывода Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость рассматривать вопрос о том, было ли допущено нарушение статьи 3 Конвенции по дополнительному основанию (см. выше § 149), согласно которому власти Венгрии предположительно не приняли во внимание наличие для заявителей риска быть подвергнутыми несоответствующим условиям приема для ищущих убежища лиц в Сербии.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ, КАСАЮЩЕЕСЯ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ВЫДВОРЕНИЯ ЗАЯВИТЕЛЕЙ В СЕРБИЮ

166. Заявители жаловались на то, что средства правовой защиты от выдворения были неэффективными, в связи с чем было допущено нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

167. В отношении данной жалобы Палата Европейского Суда решила, что отсутствовала необходимость рассматривать вопрос о ее приемлемости или указанную жалобу в этой части по существу (см. §§ 126–127 Постановления Палаты Европейского Суда).

168. В результате между сторонами, как представляется, имеется разногласие относительно того, относится ли данная жалоба к сфере рассмотрения настоящего дела в Большой Палате Европейского Суда, поскольку она не была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда. Заявители считали, что отсутствуют препятствия для рассмотрения названной жалобы. В своих замечаниях по делу власти Венгрии коснулись только тех жалоб, которые были объявлены Палатой Европейского Суда

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 11 (примеч. редактора).

приемлемыми для рассмотрения по существу. В своих устных замечаниях они отметили, что спорная жалоба не была им коммуницирована.

169. Особенность ситуации в настоящем деле заключается в том, что Палата Европейского Суда не высказалась по поводу приемлемости спорной жалобы для рассмотрения по существу. Следовательно, возникает вопрос о том, относится ли жалоба, которая не была отклонена как неприемлемая для рассмотрения по существу и не была объявлена Палатой Европейского Суда приемлемой, к сфере разбирательства дела в Большой Палате Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции.

170. В рамках конвенционной системы, существовавшей до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, когда отдельный орган, бывшая Европейская комиссия по правам человека, рассматривал вопрос о приемлемости жалоб для рассмотрения по существу, подход Европейского Суда к определению пределов рассмотрения им дела был выражен следующим образом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*) от 6 ноября 1980 г., жалоба № 7367/76, § 106):

«Пределы рассмотрения “дела” определяются... решением о приемлемости для рассмотрения по существу. Без ущерба для статьи 29 Конвенции [в редакции, действовавшей на тот момент] и, возможно, частичного исключения из списка дел, подлежащих рассмотрению, Конвенция не допускает последующего сужения сферы спора, который может завершиться принятием судебного решения. Таким образом, в определенных рамках Европейский Суд может рассматривать все вопросы факта и права, возникающие в ходе производства по делу; к его юрисдикции не относятся только те жалобы, которые Комиссия по правам человека объявила неприемлемыми для рассмотрения по существу».

171. После вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции вопрос о пределах дела, рассматриваемого Большой Палатой Европейского Суда в рамках производства, предусмотренного статьей 43 Конвенции, был в первый раз поднят в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*) от 12 июля 2001 г., жалоба № 25702/94, §§ 137–141) в контексте жалоб сторон о том, что Большая Палата Европейского Суда может рассматривать только те жалобы, в отношении которых стороны требовали пересмотра. Большая Палата Европейского Суда сочла, что «дело», переданное ей на рассмотрение в соответствии со статьей 43 Конвенции, включает в себя все аспекты жалобы, которая до этого была рассмотрена Палатой Европейского Суда в ее постановлении, а не только «серьезный вопрос», который послужил основанием для направления дела в Большую Палату» (см. там же, § 140). Европейский Суд также добавил «для

разъяснения», что дело, переданное в Большую Палату – «это жалоба в том виде, в каком она была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу» (см. там же, § 141).

172. Эта формулировка была также использована в ряде более поздних рассмотренных дел (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*) от 18 октября 2006 г., жалоба № 46410/99, § 41, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие против Чешской Республики» (*D.H. and Others v. Czech Republic*) от 13 ноября 2007 г., жалоба № 57325/00, § 109, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ковачич и другие против Словении» (*Kovačić and Others v. Slovenia*) от 3 октября 2008 г., жалоба № 44574/98 и две другие жалобы, § 194). Европейский Суд также указывал, что пределы дела, переданного в Большую Палату, «определяются решением Палаты Европейского Суда о приемлемости для рассмотрения по существу» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёч против Турции» (*Göç v. Turkey*) от 11 июля 2002 г., жалоба № 36590/97, §§ 35–37, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (*Perna v. Italy*) от 6 мая 2003 г., жалоба № 48898/99, §§ 23–24, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (*Azinas v. Cyprus*) от 28 апреля 2004 г., жалоба № 56679/00, § 32).

173. В значительном количестве дел, переданных в порядке статьи 43 Конвенции, Большая Палата Европейского Суда должна была рассматривать ходатайства заявителей о пересмотре жалоб, которые Палата Европейского Суда объявила неприемлемыми для рассмотрения по существу. В постановлениях, касающихся таких дел, Европейский Суд часто добавлял более конкретную формулировку, указывая, что Большая Палата «не может рассматривать те части жалобы, которые были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (*Kurić and Others v. Slovenia*) от 12 марта 2014 г., жалоба № 26828/06, § 234, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов», § 86). В некоторых делах (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сисоева и другие против Латвии» (*Sisojeva and Others v. Latvia*) (исключение из списка дел) от 15 января 2007 г., жалоба № 60654/00, § 61, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении», § 235, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Херрманн

против Германии» (Herrmann v. Germany) от 26 июня 2012 г., жалоба № 9300/07, § 38) Европейский Суд также отмечал, что «Большая Палата Европейского Суда может рассматривать дело полностью *в той мере, в какой* оно было объявлено приемлемым для рассмотрения по существу» или что она «может рассматривать дело только *в той мере, в какой* оно было объявлено приемлемым для рассмотрения по существу» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гиллберг против Швеции» (Gillberg v. Sweden) от 3 апреля 2012 г., жалоба № 41723/06, §§ 53–55, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии» (Al Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland) от 21 июня 2016 г., жалоба № 5809/08¹, § 78, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зубац против Хорватии» (Zubac v. Croatia) от 5 апреля 2018 г., жалоба № 40160/12², § 56). Тем не менее необходимо отметить, что данная формулировка использовалась применительно к жалобам, которые Палата Европейского Суда объявила неприемлемыми (почти во всех таких делах), или к ходатайствам о пересмотре решения коллегии о передаче дела в Большую Палату (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пизано против Италии» (Pisano v. Italy) (исключение из списка дел) от 24 октября 2002 г., жалоба № 36732/97, § 27). Представляется, что она не использовалась в отношении жалоб, вопрос о приемлемости которых для рассмотрения по существу не рассматривался Палатой Европейского Суда.

174. Приведенный выше анализ прецедентной практики доказывает, что тот факт, что Европейский Суд постоянно признает решение Палаты о приемлемости для рассмотрения по существу определяющим пределы дела, рассматриваемого Большой Палатой Европейского Суда в делах, переданных ей в соответствии со статьей 43 Конвенции, частично связан с той конвенционной системой, которая существовала до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, и частично с тем, что в подавляющем большинстве соответствующих постановлений Большая Палата Европейского Суда должна была рассмотреть ходатайства о пересмотре жалоб, которые были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу. Нельзя сказать, что данная формулировка была призвана означать, что Большая Палата Европейского Суда не может рассматривать жалобы, которые не были ни отклонены как неприемлемые для рассмотрения по существу, ни

объявлены приемлемыми для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда.

175. Европейский Суд также отмечает, что исключение жалоб, признанных неприемлемыми для рассмотрения по существу, из сферы рассмотрения дела в Большой Палате может расцениваться как вытекающее из устоявшейся прецедентной практики, в соответствии с которой решение о признании жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу является окончательным (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Будревич против Чешской Республики» (Budrevich v. Czech Republic) от 17 октября 2013 г., жалоба № 65303/10, § 73). Если же речь идет о жалобах, которые не были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу, их рассмотрение не завершено окончательным решением.

176. Вместе с тем Европейский Суд напоминает, что он вправе давать юридическую квалификацию фактов дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Герра и другие против Италии» (Guerra and Others v. Italy) от 19 февраля 1998 г., жалоба № 14967/89, § 44, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12³, § 114) и что, кроме этого, он может принять решение не рассматривать ту или иную жалобу отдельно, полагая, что она поглощена или тесно связана с жалобой, которая уже была рассмотрена. В настоящем деле это послужило основанием для решения Палаты Европейского Суда не рассматривать на предмет приемлемости и по существу жалобу на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, которая касалась внутрисударственных средств правовой защиты в отношении выдворения заявителей в Сербию.

177. Таким образом, по мнению Европейского Суда, любой излишне строгий подход к определению пределов рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда может негативно сказаться на его праве осуществлять юридическую квалификацию фактов дела в отношении жалоб, которые не были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу. Более того, считать, что жалоба, которая не была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу Палатой, не относится к сфере рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда, *de facto* представляло бы собой отклонение такой жалобы как неприемлемой для рассмотрения по существу. Однако с подобным подходом нельзя согласиться, поскольку он не позволял бы Большой Палате Европейского Суда при отсутствии каких-либо обоснований со стороны Палаты оценивать приемлемость жалобы для рас-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

смотрения по существу в ситуации, когда Палата воздержалась от рассмотрения данного вопроса.

178. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что жалоба на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 3 Конвенции в связи с предполагаемыми процессуальными нарушениями при рассмотрении ходатайств заявителей о предоставлении убежища и жалоб заявителей на решения уполномоченного органа относится к сфере рассмотрения дела в Большой Палате Европейского Суда.

179. Однако в настоящем деле, установив нарушение статьи 3 Конвенции (см. выше §§ 163 и 164), Большая Палата соглашается с Палатой Европейского Суда в том, что ввиду того, что предполагаемые процессуальные нарушения при рассмотрении ходатайств заявителей о предоставлении убежища и их жалоб на решения уполномоченного органа были в достаточной степени рассмотрены в рамках анализа по статье 3 Конвенции, отсутствует необходимость рассматривать жалобу на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции на предмет ее приемлемости и по существу в связи с теми же нарушениями.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ В ТРАНЗИТНОЙ ЗОНЕ

180. Заявители утверждали, что условия, в которых они провели 23 дня в транзитной зоне Рёске, представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, что являлось нарушением статьи 3 Конвенции. В ходе производства в Большой Палате Европейского Суда заявители также ссылались на статью 8 Конвенции в отношении той же жалобы.

181. Европейский Суд полагает, что упомянутая выше жалоба подлежит рассмотрению только с точки зрения статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

182. Палата Европейского Суда, отметив, в частности, выводы ЕКПП, касавшиеся удовлетворительных материальных условий содержания в транзитной зоне и относительно короткий период времени, который заявители провели там, пришла к выводу, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

183. Заявители считали, что Палата Европейского Суда не придала существенного значе-

ния общим материальным условиям, надлежащим образом не учла тот факт, что ЕКПП счел их допустимыми только для очень кратких периодов содержания в транзитной зоне, и должным образом не приняла во внимание уязвимость заявителей. В отношении последнего пункта заявители предоставили Большой Палате Европейского Суда дополнительную информацию, утверждая, в частности, что первый заявитель подвергался жестокому обращению и содержался в ненадлежащих условиях в течение 1990-х годов и до 2010 или 2011 года в Пакистане, Афганистане, Иране и Бангладеш, а второй заявитель – в Пакистане, Дубае, Иране и Турции с 2010 по 2013 год (см. выше §§ 10 и 11). В качестве альтернативного довода заявители предлагали рассмотреть их жалобу на условия содержания в транзитной зоне по смыслу статьи 8 Конвенции и установить нарушение данной статьи Конвенции.

184. Власти Венгрии согласились с тем, что Палата Европейского Суда применила правило о достижении определенного уровня суровости, и с ее выводом о том, что заявители были не более уязвимы, чем любые иные совершеннолетние лица, ищущие убежища. Проводя различие между настоящим делом и ситуацией, которая привела Европейский Суд к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», власти Венгрии указали на то, что основные потребности заявителей, такие как потребность в питании, санитарных условиях, жилье и доступе к медицинской помощи, были обеспечены. Даже если эти условия не соответствовали некоторым требованиям Директивы Европейского союза об условиях приема, это не являлось нарушением статьи 3 Конвенции. Власти Венгрии предостерегли Европейский Суд от распространения требований данной статьи Конвенции в контексте приема лиц, ищущих убежище, за пределы обеспечения основных человеческих потребностей, учитывая, в частности, что в транзитных зонах предоставлялось только временное жилье. Что касается утверждений заявителей о страданиях, пережитых ими в некоторых азиатских странах, власти Венгрии отметили, что они впервые были озвучены в ходе производства в Большой Палате Европейского Суда и не могли быть проверены.

185. Некоторые из третьих сторон также представили соответствующие комментарии. УВКБ представило фактическую информацию о транзитной зоне Рёске и обобщение соответствующих положений законодательства страны и международных стандартов в отношении приема лиц, ищущих убежища. В своем совместном меморандуме пять юристов из Италии пояснили понятие «уязвимость» с акцентом на международное право и право прав человека. Они доказывали, что

различные варианты данного понятия использовались в разных контекстах при отсутствии определения понятия «уязвимость», и призвали Европейский Суд определить соответствующие принципы в этом отношении.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

186. Сторонами в настоящем деле не оспаривалось, что во время содержания в транзитной зоне Рёске заявители полностью зависели от властей Венгрии в том, что касалось обеспечения их основных потребностей, и что заявители находились под их контролем.

187. При таких обстоятельствах власти Венгрии были обязаны не подвергать заявителей таким условиям, которые бы представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, нарушающее статью 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», §§ 216–222 и 263).

188. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда жестокое обращение должно достигать определенного минимального уровня суровости, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка этого уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, главным образом, от продолжительности такого обращения, его физических и психических последствий и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего. В контексте содержания и условий содержания лиц, ищущих убежища, Европейский Суд изложил соответствующие общие принципы в упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии», §§ 158–169.

189. Большая Палата Европейского Суда соглашается с анализом Палаты Европейского Суда по настоящему делу в отношении физических условий проживания заявителей во время их содержания в транзитной зоне. Палата Европейского Суда указала следующее, в частности, в §§ 84–85 ее Постановления:

«В своем докладе властям Венгрии по итогам визита в эту страну с 21 по 27 октября 2015 г., то есть вскоре после того, как заявители покинули транзитную зону, ЕКПП описал приемлемые условия в отношении жилых контейнеров, которые использовались в Рёске. Тем не менее ЕКПП указал, что, если бы иностранные граждане содержались в транзитной зоне в течение более длительного времени, максимальная вместимость жилых контейнеров должна была быть сокращена, и они должны были быть оснащены основной мебелью...

В течение 23 дней заявители содержались в закрытой зоне площадью около 110 кв. м, а в прилегаю-

щей зоне им была предоставлена комната в одном из нескольких предназначенных для жилья контейнеров. По словам ЕКПП, площадь данных комнат составляла 13 кв. м. В комнате заявителей находились пять кроватей, но представляется, что в соответствующее время они проживали в ней одни. Санузлы находились в отдельных контейнерах. ЕКПП счел, что в соответствии с его стандартами они не нуждались в комментариях. Заявители утверждали, что им не было обеспечено предоставление медицинской помощи, но они имели доступ к помощи психиатра. Кроме того, у ЕКПП сложилось положительное мнение от предоставлявшихся медицинских услуг. Заявителям выдавалось трехразовое питание. Несмотря на то, что заявители жаловались на отсутствие условий для отдыха и общения, ничто не указывает на то, что материальные условия их содержания были неудовлетворительными, в частности, что у них было недостаточно личного пространства, уединения, доступа к вентиляции, естественному освещению или нахождению на свежем воздухе».

190. Те факты, что санитарные условия были хорошими и что лица, которые содержались в транзитной зоне Рёске, были обеспечены питанием и медицинской помощью соответствующего уровня в случае необходимости, а также могли проводить время на открытом воздухе, были подтверждены и позже, в докладе Специального представителя Генерального секретаря Совета Европы от 13 октября 2017 г. (см. выше § 67).

191. Обращаясь к доводу заявителей об их уязвимости, Европейский Суд должен рассмотреть представленные ему доказательства, чтобы установить, можно ли было считать заявителей особенно уязвимыми в соответствии с их утверждениями, и, если да, были ли условия их содержания в транзитной зоне Рёске в сентябре и октябре 2015 года совместимы с данной уязвимостью в такой мере, что они представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в конкретной ситуации заявителей.

192. Большая Палата Европейского Суда соглашается с мнением Палаты о том, что, несмотря на то, что ищущие убежища лица могут считаться уязвимыми в связи со всем, что они могли претерпеть во время миграции, и с их вероятным предшествующим травмирующим опытом (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 232), ничто не указывает на то, что в настоящем деле заявители были более уязвимы, чем любые другие совершеннолетние искавшие убежища лица, которые содержались в транзитной зоне Рёске в сентябре 2015 года (см. § 87 Постановления Палаты Европейского Суда). В частности, их утверждения о тяжелых условиях и жестоком обращении в Пакистане, Афганистане, Иране, Дубае и Турции касались периода, который закончился в 2010 или 2011 году для первого заявителя и в 2013 году для второго заявителя (см. выше §§ 10 и 11). Европейский Суд также не счи-

тает, что заключение психиатра (см. выше § 30), предоставленное заявителями, имело решающее значение: с учетом его контекста и содержания, а также того, что заявители провели в транзитной зоне Рёске относительно короткий период, равный 23 дням, заключения психиатра не могут привести к выводу о том, что в остальном приемлемые условия содержания в транзитной зоне Рёске не были совместимы с индивидуальными обстоятельствами заявителей в такой степени, что представляли собой жестокое обращение, нарушавшее требования статьи 3 Конвенции.

193. Европейский Суд также полагает, что, даже если на заявителей должна была повлиять неопределенность относительно того, были ли они лишены свободы и применялись ли соответствующие гарантии от произвольного лишения свободы, непродолжительность соответствующего периода времени и тот факт, что заявители знали о ходе производства по вопросу о предоставлении убежища, в котором не было задержек, указывают на то, что негативные последствия любой неопределенности для них должны были быть ограниченными.

194. В целом, принимая во внимание, в частности, материальные условия содержания в транзитной зоне, продолжительность пребывания в ней заявителей и возможность контакта с другими лицами, искавшими убежища, и представителями УВКБ, неправительственных организаций и адвокатом, Европейский Суд полагает, что обжалуемая заявителями ситуация не достигала минимального уровня суровости, необходимого для того, чтобы можно было установить факт бесчеловечного обращения по смыслу статьи 3 Конвенции. Следовательно, по делу не было допущено нарушения данной статьи Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

195. Заявители жаловались на то, что они содержались в транзитной зоне в нарушение данной статьи Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдате...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

196. Палата Европейского Суда сочла, что содержание заявителей в транзитной зоне представляло собой лишение свободы *de facto*. Она приняла во внимание тот факт, что заявители содержались в охраняемом лагере, в который нельзя было попасть снаружи и который они не могли покинуть в сторону Венгрии или Сербии, не потеряв право на убежище и не подвергаясь риску принудительного возвращения. Что касается существа жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции, Палата Европейского Суда сочла, что лишение заявителей свободы не могло считаться «законным», поскольку соответствующие положения законодательства страны не были достаточно ясными и предсказуемыми, а лишение свободы произошло *de facto*, как практическая мера, без официального решения и, следовательно, без объяснения причин. Палата Европейского Суда также установила нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку при отсутствии какого-либо решения, которое могло быть обжаловано, заявители не могли добиваться судебного пересмотра лишения их свободы.

B. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

197. В отношении применимости статьи 5 Конвенции заявители подчеркнули, что тот факт, что они попали в транзитную зону по своей воле, не имел значения, поскольку, оказавшись в ней, они уже не могли вернуться в Сербию, где их не ждали и где они подвергались риску цепной высылки без рассмотрения по существу их ходатайств о предоставлении убежища.

198. Заявители полагали, что утверждения властей Венгрии о том, что они не были «настоящими» ищущими убежища лицами, поскольку не подвергались риску преследований в Бангладеш, не должны были повлиять на решение вопроса о том, были ли они лишены свободы в Венгрии незаконно. Как зарегистрированные лица, ищущие убежища, они имели право ждать решения с соблюдением соответствующих процессуальных гарантий, в том числе в отношении лишения свободы. В течение периода ожидания им не разрешалось покидать транзитную зону в направлении Венгрии, а в сторону Сербии они не могли направиться, поскольку им бы было отказано в повторном въезде. Заявители представили письменные замечания от сотрудников неправительственной организации, которые были свидетелями отказа властей Венгрии впустить их обратно через проход, который они только что прошли для ищущих убежища лиц, которые получили решение о неприемлемости для рассмотрения по существу, и которым было приказано

вернуться в Сербию и которые затем узнали о возможности подать жалобу и хотели вернуться и воспользоваться ею¹.

199. Что касается соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции, заявители утверждали, что статья 71/А Закона об убежище, на которую ссылались власти Венгрии как на основание для лишения заявителей свободы, не соответствовала требованию качества закона. Отсутствие ясного, четкого и предсказуемого законодательства об условиях и процессуальных гарантиях содержания заявителей в транзитной зоне в форме лишения свободы лишало его правовых оснований. Заявителям не было вручено решения об их лишении свободы. Однако в распоряжении властей были правовые средства для принуждения к лишению свободы, если они считали его необходимым для надлежащего функционирования системы предоставления убежища, в том числе предупреждения поиска наиболее благоприятной страны (*forum shopping*).

200. Что касается пункта 4 статьи 5 Конвенции, заявители оспаривали утверждение властей Венгрии о том, что суд г. Сегеда мог рассмотреть законность решения о применении пограничной процедуры в транзитной зоне и тем самым обеспечить требуемый пересмотр законности. Данный суд не рассматривал вопрос о применимости пограничной процедуры и в любом случае не мог пересмотреть законность содержания в транзитной зоне в качестве меры лишения свободы.

2. Власти Венгрии

201. По мнению властей Венгрии, заявители могли свободно вернуться в Сербию и, более того, в их распоряжении были альтернативные способы перемещения через Сербию в желаемый пункт их назначения, Западную Европу, что подтверждается тем фактом, что в итоге они нашли такие пути. Несмотря на то, что заявители не могли попасть в Венгрию, это было неотъемлемым аспектом нормальной пограничной процедуры. Продолжительность периода ожидания до въезда зависела от сложности дела, сотрудничества со стороны лиц, ищущих убежища, и согласованности их показаний. В ходе этого процесса заявителям предоставлялись достойные условия ожидания в транзитной зоне. Данные транзитные зоны не следует путать с центрами приема беженцев, право которых на международную защиту было установлено.

202. У заявителей не было «права» на въезд в Венгрию. Подобное право может вытекать из международного права только для беженцев, прибывающих непосредственно из страны преследова-

ния или в случае непосредственной угрозы для их жизни или физической неприкосновенности. По смыслу статьи 1 Конвенции статья 5 Конвенции должна толковаться как означающая, что, когда лица не помещены под юрисдикцию государства, а добровольно обращаются за допуском в эту юрисдикцию, вытекающее из этого «содержание» в зоне ожидания (которую они могут свободно покинуть) до предоставления такого допуска является не лишением свободы *de facto*, а неотъемлемым ограничением свободы передвижения. Это ограничение не является произвольным, если отказ в допуске не является таковым. Следовательно, с точки зрения статьи 5 Конвенции не возникает вопросов, отдельных от отказа в допуске, который в настоящем деле был рассмотрен с точки зрения статьи 3 Конвенции.

203. Власти Венгрии утверждали также, что пограничные транзитные зоны фундаментальным образом отличаются от транзитных зон в аэропортах. Последние находятся вдали от границ государства, тогда как пограничные транзитные зоны открыты в направлении территории соседнего государства, из которого приехали заявители. В отличие от дела «Амююр против Франции» (*Amuur v. France*) (Постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 г., жалоба № 19776/92) возвращение заявителей в Сербию не требовало проведения переговоров с властями Сербии, поскольку последние не препятствовали повторному въезду иностранных граждан на свою территорию, и не создавало препятствий финансового или практического характера. Те, кому было отказано в предоставлении убежища, постоянно покидали транзитную зону. Тот факт, что заявители в итоге вернулись в Сербию без негативных последствий, указывает на то, что они не были лишены свободы в Венгрии. В отличие от упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», право заявителей покинуть транзитную зону не было теоретическим, поскольку они могли вернуться в государство, принявшее на себя юридические обязательства в соответствии с Женевской конвенцией и Конвенцией, сравнимую с той, которой они могли воспользоваться в Венгрии.

204. Власти Венгрии также полагали, что заявители не подвергались риску принудительного возвращения в страну преследования, поскольку они не преследовались ни в их собственной стране происхождения, ни в транзитных странах. Кроме того, возвратившись в Сербию, они не лишили себя международной защиты, поскольку в соответствии с Женевской конвенцией лица, добровольно вернувшиеся в Сербию, не лишались такой защиты (в случае, если они обратились за такой защитой и оставались в Сербии до принятия соответствующего решения). Палата Европейского Суда не провела различия между

¹ Европейский Суд отмечает, однако, что в данных замечаниях также указывалось, что власти Венгрии сообщали лицам, ищущим убежища, что они должны были снова стоять в очереди на въезд, а последние не попытались этого сделать.

настоящим делом и Постановлением Европейского Суда по делу «Риад и Идиаб против Бельгии» (Riad and Idiab v. Belgium) от 24 января 2008 г., жалобы №№ 29787/03 и 29810/03, § 68), в котором заявители были помещены в транзитную зону не сразу по прибытии в страну, а через час после этого по решению властей. Однако власти Венгрии не принуждали заявителей ко входу в транзитную зону.

205. Власти Венгрии утверждали, что размещение заявителей в транзитной зоне имело правовое основание в законодательстве Венгрии, которое устанавливало гарантии от произвола и было нацелено на предупреждение несанкционированного въезда в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В частности, статья 71/А Закона об убежище во взаимосвязи со статьей 15/А Закона о государственной границе предусматривала рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища в транзитных зонах, предназначенных для временного размещения. Пункт 2 статьи 71/А Закона об убежище ясно гласил, что в пограничных процедурах у заявителей не было права на свободу передвижения в Венгрии. В качестве гарантии от произвола закон ограничивал пограничную процедуру и содержание в транзитной зоне четырьмя неделями: в соответствии с пунктом 4 статьи 71/А Закона об убежище в случае, если по истечении четырех недель решение не было принято, соответствующему лицу должен был быть разрешен въезд в Венгрию. В качестве еще одной гарантии от произвола было предусмотрено, что пограничные процедуры не могли быть применены к лицам, имеющим право на особое обращение, таким как уязвимые лица.

206. В настоящем деле не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку ограничение свободы заявителей было предметом судебного пересмотра в ходе принятия решения уполномоченного органа о применимости правил о пограничных процедурах, в том числе об отсутствии у заявителей права на особое обращение. Первый судебный пересмотр по делу заявителей был проведен в течение шести дней после их прибытия.

С. ТРЕТЬИ СТОРОНЫ ПО ДЕЛУ

207. Власти Польши полагали, что помещение иностранного гражданина в учреждение, которое он может свободно покинуть, не должно автоматически рассматриваться как лишение свободы *de facto*. Они также отметили, что настоящее дело касалось практики государств – членов Европейского союза в сложное время миграционного кризиса, и подчеркнули в этом отношении, что правопорядок Европейского союза обеспечивает соблюдение основных прав человека, в том числе путем надзора и контроля со стороны органов Европейского союза.

208. Власти Российской Федерации выступили с критикой упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции» в связи с тем, что в нем был введен новый критерий оценки того, было ли лишение свободы произвольным или нет: «место и условия» лишения свободы. В статье 5 Конвенции такой критерий не упоминался. Только статья 3 Конвенции касалась условий лишения свободы. Более того, подход Европейского Суда неверно отождествлял отказ во въезде на территорию страны и лишение свободы. По мнению властей Венгрии, отказываясь от проведения различий в зависимости от оснований требований о предоставлении убежища, Европейский Суд размывал различие между мигрантами и беженцами и тем самым ставил под угрозу защиту, в которой нуждаются последние.

209. УВКБ представило фактическую информацию о транзитной зоне Рёске и обобщение соответствующего законодательства Венгрии, Европейского союза и международных стандартов в отношении приема лиц, ищущих убежища.

Д. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Применимость жалобы

210. Сторонами не оспаривалось, что в соответствии с законодательством Венгрии содержание заявителей в транзитной зоне Рёске не считалось лишением свободы. Однако позиции сторон различаются по вопросу о том, являлось ли оно лишением свободы *de facto* и, следовательно, подлежала ли применению статья 5 Конвенции.

(а) Соответствующие принципы

211. Провозглашая «право на свободу», пункт 1 статьи 5 Конвенции гарантирует физическую свободу лица. Следовательно, он не касается ограничений права на свободу передвижения, которое регулируется статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции в отношении лиц, находящихся на территории государства на законных основаниях. Несмотря на то, что процесс квалификации меры в качестве той или иной не всегда является простой задачей, поскольку в некоторых пограничных делах он носит явно оценочный характер, Европейский Суд не может избежать необходимости сделать выбор, от которого зависит применимость или неприменимость статьи 5 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии», § 64, с дальнейшими ссылками).

212. Для того, чтобы определить, было ли лицо «лишено свободы» по смыслу статьи 5 Конвенции, отправной точкой должно служить его конкретное реальное положение, и должен приниматься

во внимание целый ряд факторов, таких как тип, продолжительность, последствия и способ имплементации спорной меры (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нада против Швейцарии» (Nada v. Switzerland) от 12 сентября 2012 г., жалоба № 10593/08, § 225, и Решение Европейского Суда по делу «Гахраманов против Азербайджана» (Gahramanov v. Azerbaijan) от 15 октября 2013 г., жалоба № 26291/06, § 40). Различие между лишением свободы и ограничением свободы передвижения заключается в степени или интенсивности, а не в самом существе или характере меры (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Де Томмазо против Италии» (De Tommaso v. Italy) от 23 февраля 2017 г., жалоба № 43395/09¹, § 80, с дальнейшими ссылками, а также Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров против Российской Федерации» (Kasparov v. Russia) от 11 октября 2016 г., жалоба № 53659/07², § 36).

213. Европейский Суд полагает, что при проведении различия между ограничением свободы передвижения и лишением свободы в контексте ситуации лиц, ищущих убежища, его подход должен быть практическим и реальным, учитывающим условия и трудности настоящего времени. В частности, важно признавать право государства без ущерба для его международных обязательств контролировать границы и принимать меры в отношении иностранных граждан, нарушающих миграционные ограничения.

214. Вопрос о том, является ли содержание в международных зонах аэропортов лишением свободы, был рассмотрен в ряде дел (см. среди прочих примеров упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Шамса против Польши» (Shamsa v. Poland) от 27 ноября 2003 г., жалобы №№ 45355/99 и 45357/99, § 47, Решение Европейского Суда по делу «Могош против Румынии» (Mogoş v. Romania) от 6 мая 2004 г., жалоба № 20420/02, Решение Европейского Суда по делу «Махдид и Хаддар против Австрии» (Mahdid and Haddar v. Austria) от 8 декабря 2005 г., жалоба № 74762/01, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Риад и Идиаб против Бельгии», § 68, и Постановление Европейского Суда по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» (Nolan and K. v. Russia) от 12 февраля 2009 г., жалоба № 2512/04³, §§ 93–96, и упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Гахраманов против Азербайджана», §§ 35–47).

215. В упомянутом выше Постановлении по делу «Амююр против Франции», § 43, Европейский Суд указал следующее:

«Удержание иностранных лиц в международной зоне действительно влечет за собой ограничение свободы, однако ни в коей мере несопоставимое с ограничениями, существующими в центрах задержания иностранцев перед депортацией. Подобное ограничение при наличии соответствующих гарантий для данных лиц приемлемо только в целях избежания государствами нелегальной иммиграции при условии соблюдения ими международных обязательств, в частности, соответствующих Женевской конвенции 1951 года о статусе беженцев и Европейской конвенции о защите прав человека. Законное стремление государств пресечь участвовавшие попытки обойти иммиграционный регламент не должно лишать лиц, ищущих убежища, защиты, предоставляемой этими конвенциями.

Такое удержание не должно продлеваться на чрезмерный срок, в противном случае существует риск того, что простое ограничение свободы, неизбежное ввиду организации практической стороны репатриации или же в случае подачи ходатайства о предоставлении убежища, ожидания разрешения на въезд с этой целью, перейдет в лишение свободы. В связи с этим необходимо учитывать тот факт, что мера применяется не к преступникам, а к иностранным гражданам, которые из страха за свою жизнь бегут из собственной страны.

Хотя в силу обстоятельств решение о выдаче приказа о задержании должно приниматься административными или полицейскими органами, его продление требует безотлагательного рассмотрения судами, традиционными гарантами личных свобод. Однако прежде всего такое ограничение не должно лишить лицо, ищущее убежища, права фактического доступа к процедуре определения статуса беженца».

216. Применимость статьи 5 Конвенции также рассматривалась в отношении содержания в центрах приема для идентификации и регистрации мигрантов, размещенных на островах побережья Италии и Греции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии», §§ 65–72, которое касается нелегальных мигрантов, и Постановление Европейского Суда по делу «J.R. и другие против Греции» (J.R. and Others v. Greece) от 25 января 2018 г., жалоба № 22696/16, относительно лиц, ищущих убежища). В последнем деле, в котором изначально был выдан официальный приказ о лишении свободы в отношении заявителей, Европейский Суд принял во внимание, в частности, изменения правового положения заявителей в соответствии с законодательством страны, а также изменение режима в центре приема с «закрытого» на «полуоткрытый» с целью проведения различия между двумя периодами, к первому из которых применялась статья 5 Конвенции, а ко второму нет (см. там же, §§ 85–87).

¹ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 1 (примеч. редактора).

217. При определении различия между ограничением свободы передвижения и лишением свободы в контексте содержания иностранных граждан в транзитной зоне аэропорта и в центрах идентификации и регистрации мигрантов факторы, которые Европейский Суд принимает во внимание, могут быть изложены следующим образом: i) индивидуальное положение заявителей и их выбор; ii) применимый правовой режим соответствующей страны и его цель; iii) соответствующая продолжительность, особенно в свете цели и процессуальной защиты заявителей во время событий дела; iv) характер и степень реальных ограничений, которые были применены к заявителям или перенесены ими (см. постановления, упомянутые в предыдущих трех параграфах настоящего Постановления).

218. Европейский Суд полагает, что упомянутые выше факторы также могут быть применимы, *mutatis mutandis*, в настоящем деле.

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

219. Настоящее дело касается, по всей видимости, прежде всего транзитной зоны, расположенной на границе между двумя государствами – членами Совета Европы, в которых лица, ищущие убежища, должны оставаться в ожидании решения по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу их ходатайств о предоставлении убежища. Конкретная цель, а также физические и юридические характеристики таких транзитных зон неизбежно будут влиять на анализ Европейского Суда о применимости статьи 5 Конвенции.

(i) Индивидуальное положение заявителей и их выбор

220. Во-первых, Европейский Суд отмечает, что заявители прибыли в транзитную зону Рёске по своей собственной инициативе с целью искать убежища в Венгрии. Несмотря на то, что данный факт сам по себе не исключает возможности того, что заявители могли оказаться лишенными свободы *de facto* после въезда, Европейский Суд полагает, что это уместное соображение, которое должно оцениваться с учетом всех обстоятельств дела.

221. В ряде рассмотренных им дел Европейский Суд указывал, что лишение свободы может нарушать статью 5 Конвенции, даже если соответствующее лицо согласилось на него, и подчеркивал, что право на свободу является слишком важным для лица, чтобы оно переставало пользоваться защитой Конвенции лишь по той причине, что человек сдался и позволил лишить себя свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde,

Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., жалобы №№ 2832/66, 2835/66, 2899/66, §§ 64–65, Постановление Европейского Суда по делу «I.I. против Болгарии» (I.I. v. Bulgaria) от 9 июня 2005 г., жалоба № 44082/98, §§ 84–87, Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины» (Osypenko v. Ukraine) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 4634/04, § 48, Постановление Европейского Суда по делу «Венскуте против Литвы» (Venskutė v. Lithuania) от 11 декабря 2012 г., жалоба № 10645/08, § 72, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Moldova) от 5 июля 2016 г., жалоба № 23755/07¹, §§ 106–110). Однако упомянутые выше дела касались ситуаций, когда лишение свободы было предусмотрено законодательством или когда заявители выполняли какую-либо обязанность, такую как, среди прочих, явиться в тюрьму или отдел полиции либо соблюдать условия домашнего ареста. По мнению Европейского Суда, обстоятельства не являются одинаковыми, когда у заявителей, как в настоящем деле, не было какой-либо соответствующей связи с государством и не было обязанности, на которую они согласились, а ходатайствовали о допуске на территорию данного государства по собственной инициативе и искали там убежища. В таких случаях отправная точка в отношении индивидуального положения заявителей по отношению к властям является абсолютно иной.

222. В настоящем деле, принимая во внимание все известные факты о заявителях и их перемещения из Бангладеша в Венгрию, отсутствуют сомнения в том, что они прибыли в транзитную зону Рёске по своей собственной инициативе. Также ясно, что в любом случае у властей Венгрии было право осуществить необходимые проверки и рассмотреть требования заявителей до принятия решения о том, допускать ли их на территорию Венгрии.

223. Наконец, Европейский Суд также отмечает, что заявители пересекли границу из Сербии в Венгрию не в связи с прямой и непосредственной опасностью для их жизни или здоровья в Сербии, но по собственной воле.

(ii) Соответствующий правовой режим, его цель и продолжительность с учетом данной цели и сопутствующая процессуальная защита

224. Во-вторых, в данном случае также применимы рассуждения о том, что причиной и целью правового режима, применявшегося к транзитной зоне Рёске в соответствии с законодательством страны, было создание зоны ожидания на то вре-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (примеч. редактора).

мя, в течение которого власти принимали решение о предоставлении лицам, ищущим убежища, разрешения на въезд в Венгрию (см. выше § 41 и, в частности, статью 71/А Закона Венгрии об убежище). Несмотря на то, что это не является само по себе решающим, уместно отметить, что власти Венгрии не стремились лишить заявителей свободы и приказали им покинуть страну в тот же день, когда заявители прибыли в Венгрию (см. выше § 8). Заявители оставались в транзитной зоне главным образом из-за того, что они подали жалобу на решение о выдворении (см. выше §§ 20–37).

225. Право государства контролировать въезд иностранных граждан на свою территорию обязательно предполагает, что выдача разрешения на въезд может быть обусловлена выполнением определенных требований. Таким образом, при отсутствии иных значимых факторов положение лица, обращающегося за разрешением на въезд и ожидающего в течение короткого периода времени проверки его или ее права на въезд, не может рассматриваться как лишение свободы, за которое государство несет ответственность, поскольку в данных случаях власти государства не принимают в отношении лица каких-либо мер, помимо реагирования на его или ее желание попасть на его территорию путем проведения необходимых проверок (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Гахраманов против Азербайджана», §§ 35–47, а также упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Махдид и Хадар против Австрии», в котором требования ищущих убежища лиц были отклонены в транзитной зоне аэропорта в течение трех дней, и Европейский Суд счел, что по делу не имело места лишение свободы (принимая во внимание дополнительные факторы, например, то, что заявители не находились под постоянным контролем со стороны полиции)).

226. Также следует отметить, что в соответствии с целью правового режима, предусмотренного законодательством Венгрии, в деле заявителей применялись процессуальные гарантии, касавшиеся рассмотрения требований о предоставлении убежища, и положения, устанавливавшие максимальный срок пребывания лиц, ищущих убежища, в транзитной зоне (см. выше §§ 41 и 205). Данные гарантии применялись на практике, и заявители провели 23 дня в транзитной зоне Рёске, в течение которых их ходатайства о предоставлении убежища были рассмотрены на административном и судебном уровнях.

227. В прецедентной практике Европейского Суда по делам о лишении иностранных граждан свободы в иммиграционном контексте продолжительность соответствующих ограничений передвижения и связь между действиями властей и ограниченной свободой могут являться элементами, влияющими на юридическую квалификацию ситуации как лише-

ния свободы или нет (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», § 43, упомянутые выше Решения Европейского Суда по делам «Гахраманов против Азербайджана», §§ 35–47, «Махдид и Хадар против Австрии»). Однако Европейский Суд полагает, что в ситуациях, которые в целом сходны с той, которая имела место в настоящем деле, пока срок пребывания заявителей в транзитной зоне не превышает в значительной мере то время, которое необходимо для рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, и отсутствуют исключительные обстоятельства, сама продолжительность содержания не влияет на анализ Европейского Суда по вопросу о применимости статьи 5 Конвенции решающим образом. Это тем более так в ситуации, когда в период ожидания результатов рассмотрения их ходатайств соответствующие лица пользуются процессуальными правами и гарантиями от чрезмерных периодов ожидания. Наличие внутригосударственного законодательства, ограничивающего продолжительность пребывания в транзитной зоне, является важным фактором в этом отношении.

228. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что власти Венгрии работали в условиях массового притока лиц, ищущих убежища, и мигрантов на границе, что требовало быстрого принятия мер реагирования в ответ на явно кризисную ситуацию. Несмотря на связанные с этим значительные трудности, ходатайства заявителей о предоставлении убежища и их поданные в суд жалобы были рассмотрены в течение трех недель и двух дней (см. выше §§ 8 и 20–37).

229. Таким образом, Европейский Суд считает, что положение заявителей не было обусловлено каким-либо бездействием со стороны властей Венгрии и что последних нельзя упрекнуть в каких-либо действиях, которые не были строго необходимы для проверки того, могли ли быть удовлетворены ходатайства заявителей о въезде на территорию Венгрии для поиска убежища.

230. Тем не менее Европейский Суд также должен проверить, привели ли реальные ограничения, которые были применены к заявителям или перенесены ими, к тому, что, несмотря на изложенное выше, заявители оказались *de facto* в ситуации лишения свободы

(iii) Характер и степень реальных ограничений, которые были применены к заявителям или перенесены ими

231. Европейский Суд отмечает, с одной стороны, что лицам, которые содержались в транзитной зоне Рёске, не разрешалось покинуть ее в направлении остальной территории Венгрии, страны, в которой располагалась транзитная зона (см. в качестве противоположной ситуации упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Могош против

Румынии»). Это неудивительно с учетом самой цели транзитной зоны как зоны ожидания решения властей по вопросу о предоставлении разрешения на въезд лиц, ищущих убежища, в Венгрию.

232. В соответствующее время транзитная зона Рёске занимала очень ограниченную площадь, была обнесена ограждением с колючей проволокой и постоянно охранялась, что исключало свободный въезд и выезд из нее. Внутри транзитной зоны заявители могли общаться с другими лицами, искавшими убежища, и их могли навещать другие лица, такие как их адвокат, с разрешения властей. Они могли проводить время на открытом воздухе на узкой полоске земли перед контейнерами, которые предназначались для ночлега (см. выше §§ 15, 65 и 67). Европейский Суд приходит к выводу, что в целом площадь транзитной зоны и способ осуществления контроля за ней были такими, что свобода передвижения заявителей была ограничена в очень значительной степени, которая сравнима с некоторыми видами ослабленного режима в учреждениях лишения свободы.

233. Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что в ожидании принятия процессуальных решений, которые были необходимы в связи с подачей ходатайств о предоставлении убежища, заявители проживали в условиях, которые, хотя и предполагали значительное ограничение их свободы передвижения, не ограничивали их свободу в той степени или таким образом, в которых это не было необходимо или не было связано с рассмотрением ходатайств о предоставлении убежища. Европейский Суд также напоминает, что он отклонил жалобу заявителей на то, что эти условия были бесчеловечными и унижающими достоинство (см. выше § 194). Наконец, заявители провели в транзитной зоне только 23 дня, то есть период, который, как установил Европейский Суд, не превышал того, что было строго необходимо для проверки того, подлежало ли удовлетворению требование заявителей о предоставлении им разрешения на въезд в Венгрию для целей поиска убежища.

234. Остается рассмотреть вопрос о том, могли ли заявители покинуть транзитную зону в ином направлении, чем территория Венгрии.

235. В этом отношении Европейский Суд прежде всего отмечает, что в течение соответствующего периода многие лица, которые находились в такой же ситуации, как и заявители, возвращались из транзитной зоны Рёске в Сербию, по крайней мере, некоторые из них добровольно, что подтверждается, среди прочего, соответствующими сведениями от неправительственных организаций (см. выше § 71). Данный факт, как представляется, не оспаривается заявителями.

236. Также имеет значение то обстоятельство, что, в отличие, например, от лиц, находящихся в транзитной зоне аэропорта (см. выше § 214), лица, находящиеся в наземной пограничной тран-

зитной зоне, как заявители в настоящем деле, не нуждаются в самолете, чтобы вернуться в страну, из которой они прибыли. Заявители прибыли из Сербии, то есть с территории, которая непосредственно прилегала к транзитной зоне. С практической точки зрения, следовательно, возможность покинуть транзитную зону была для них не только теоретической, но и реальной. В отличие от упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», в котором суды Франции сочли содержание заявителей «произвольным лишением свободы» (см. там же, § 45), в настоящем деле власти Венгрии, как представляется, были убеждены в том, что у заявителей была реальная возможность покинуть транзитную зону в направлении Сербии.

237. Вероятно, что у заявителей не было права на въезд в Сербию. Однако Европейский Суд отмечает, что в соответствующий период Сербия была связана соглашением о реадмиссии с Европейским союзом (см. выше §§ 59). Несмотря на то, что в задачу Европейского Суда не входят толкование данного соглашения и разрешение вопроса о том, распространялось ли оно на случай заявителей, он полагает, что фактическая возможность для них покинуть транзитную зону действительно существовала не только в теории, но и на практике. Это подтверждается тем фактом, что заявители и в течение того же периода многие другие лица в аналогичной ситуации в итоге уходили из транзитной зоны и возвращались в Сербию.

238. Кроме того, заявители утверждали, что они не могли вернуться в страну, из которой прибыли, в данном случае в Сербию, по причине реального риска тяжелых последствий. Власти Венгрии оспаривали данный довод, подчеркивая, что Сербия была безопасной страной и что в любом случае заявители не подвергались преследованию в стране их происхождения, в Бангладеш.

239. Европейский Суд напоминает мотивировку упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», в котором он указал, что «сама по себе возможность добровольно покинуть страну, в которой они хотят получить убежище, не исключает ограничения свободы», и отметил, что «такая возможность становится теоретической, если никакая другая страна не расположена или не в состоянии предоставить защиту, соизмеримую той, которую они ожидают получить в стране, где ходатайствуют об убежище» (см. там же, § 48).

240. По мнению Европейского Суда, мотивировка упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции» должна толковаться в тесной взаимосвязи с фактическим и юридическим содержанием данного дела, которое касалось ситуации, когда заявители не могли покинуть зону аэропорта, не в теории, не на практике, без разрешения на посадку в само-

лет и без дипломатических заверений в отношении единственного возможного для них пункта назначения, Сирии, страны, которая «не связана Женевской конвенцией о статусе беженцев» (см. там же). Преодоление данных трудностей или устранение связанных с ними последствий было возможно, если вообще возможно, только с помощью действий властей и не зависело от воли заявителей. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «J.R. и другие против Греции» заявители не могли отправиться в Турцию, страну, откуда они приехали, иным путем, кроме как на морском судне.

241. В настоящем деле, напротив, у заявителей была практическая возможность перейти границу и попасть в Сербию, страну, которая была обязана соблюдать Женевскую конвенцию о статусе беженцев (см. выше § 72).

242. Вместе с тем имеет значение тот факт, что то, чего опасались заявители в случае возвращения в Сербию, как объясняется в их ходатайствах, сделанных в контексте статьи 3 Конвенции (см. выше §§ 100–107), была не прямая угроза их жизни или здоровью, а недостатки функционирования системы предоставления убежища в Сербии и вытекающий из этого риск перемещения из Сербии в два других Договаривающихся Государства, Северную Македонию или в Грецию, без надлежащего рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища.

243. Европейский Суд не может согласиться с тем, что данные опасения сами по себе, несмотря на все остальные обстоятельства настоящего дела (которые, как указано выше, отличаются от тех, которые имели место в делах, касающихся транзитных зон в аэропортах), были достаточными для того, чтобы оправдать применение в настоящем деле статьи 5 Конвенции. Данное толкование сферы действия статьи 5 Конвенции расширило бы понятие «лишение свободы» за пределы его значения, изначально предусмотренного в Конвенции.

244. Запрет жестокого обращения в случае выдворения лица, ищущего убежища, представляет собой проблему по смыслу статьи 3 Конвенции, которая налагает на Договаривающиеся Государства строгие материально- и процессуально-правовые обязательства, некоторые из которых относятся к предмету настоящего дела (см. выше §§ 100–165). В частности, лица, ищущие убежища, не могут выдворяться в страну, в которой они могут подвергнуться реальному риску обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Несоблюдение данного положения Конвенция, в том числе процессуальной обязанности тщательно рассмотреть все потенциальные риски, влечет за собой ответственность соответствующего Договаривающегося Государства за его нарушение.

245. Безусловно, между правами, закрепленными в статьях 3 и 5 Конвенции, существует связь,

поскольку, в частности, независимый судебный пересмотр лишения свободы, который требуется на основании пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции, является ключевым для предупреждения угрожающих жизни действий или серьезного жестокого обращения во время лишения свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г., жалоба № 24276/94, § 123). Данная связь касается, однако, совсем другого контекста.

246. По мнению Европейского Суда, когда, как в настоящем деле, совокупность всех относящихся к делу факторов не указывает на ситуацию фактического лишения свободы и лица, искавшие убежища, могли без прямой угрозы для их жизни или здоровья, известной властям или доведенной до их сведения в соответствующее время, вернуться в третью промежуточную страну, из которой они прибыли, статья 5 Конвенции не может считаться применимой к их ситуации в наземной пограничной транзитной зоне, в которой они ожидали рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища, на основании того, что власти не выполнили своего отдельного обязательства, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Таким образом, Конвенция не может толковаться как связывающая применимость статьи 5 Конвенции с отдельным вопросом, касающимся соблюдения властями статьи 3 Конвенции.

247. В соответствии с пунктом 2 статьи 66 Закона об убежище (см. выше § 41) заявители сделали бы невозможным рассмотрение их ходатайств о предоставлении убежища в Венгрии, если бы они не вынесли окончательного решения по данному вопросу. В этом отношении Европейский Суд считает неубедительными довод властей Венгрии, основанный на пункте 6 статьи 66 того же закона, о том, что заявители могли остаться в Сербии на какое-то время, а затем добиться возобновления процедуры получения убежища в Венгрии, если бы они вернулись в транзитную зону в течение девяти месяцев. Власти Венгрии не привели каких-либо примеров этого, и ничто не указывает на то, что заявители были извещены о такой возможности, когда находились в транзитной зоне Рёске. Напротив, как подтвердили власти Венгрии в своих письменных замечаниях, представленных Большой Палате Европейского Суда, заявители должны были находиться под контролем властей Венгрии, уполномоченных по вопросам предоставления убежища, и, следовательно, в транзитной зоне во время рассмотрения вопроса о приемлемости их ходатайств о предоставлении убежища, которое к тому же зависело от оценки того, существовала ли возможность их безопасного возвращения в Сербию.

248. Европейский Суд напоминает, однако, что при отсутствии непосредственной угрозы для жизни или здоровья заявителей, известной властям Венгрии или доведенной до их сведе-

ния в соответствующее время, прекращение процедуры предоставления убежища заявителям в Венгрии являлось юридическим вопросом, который не влиял на их физическую свободу покинуть транзитную зону и переместиться на территорию Сербии. При обстоятельствах настоящего дела и в отличие от ситуации, которая имела место в некоторых делах, касавшихся транзитных зон в аэропортах, и, в частности, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», риск того, что заявители создадут препятствия в рассмотрении их ходатайств о предоставлении убежища в Венгрии, и их опасения относительно недостаточного доступа к системе получения убежища в Сербии, хотя и имеют значение для дела по смыслу статьи 3 Конвенции, не делают имевшуюся у заявителей возможность покинуть транзитную зону чисто теоретической. Таким образом, это не привело к тому, что содержание заявителей в транзитной зоне было недобровольным с точки зрения статьи 5 Конвенции и, следовательно, само по себе не могло привести к применению данной статьи Конвенции.

(iv) Вывод относительно применимости статьи 5 Конвенции

249. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что, принимая во внимание все проанализированные выше обстоятельства дела, заявители не были лишены свободы по смыслу статьи 5 Конвенции. Следовательно, данное положение Конвенции неприменимо в настоящем деле.

2. Вывод Большой Палаты Европейского Суда относительно жалоб на предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции

250. Из этого следует, что жалобы заявителей на предполагаемое нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции несовместимы с ее положениями *ratione materiae*. Европейский Суд также напоминает, что в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции он может отклонять жалобы, которые считает неприемлемыми для рассмотрения по существу, «на любой стадии разбирательства» и что поэтому без ущерба для правила 55 Регламента Европейского Суда Большая Палата Европейского Суда может пересмотреть решение об объявлении жалобы приемлемой для рассмотрения по существу (см. прецедентную практику, указанную выше в § 80).

251. Таким образом, Европейский Суд приходит к заключению, что в этой части жалоба заявителей должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

252. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

253. Палата Европейского Суда присудила по 10 000 евро каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда.

254. В ходе производства в Большой Палате Европейского Суда так же, как и в ходе разбирательства в Палате Европейского Суда, заявители просили присудить каждому из них по 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Власти Венгрии призвали Европейский Суд отклонить требования заявителей как чрезмерные.

255. Европейский Суд полагает, что заявителям был причинен моральный вред в результате процессуального нарушения статьи 3 Конвенции, установленного в настоящем деле. Принимая во внимание соответствующие обстоятельства дела, Европейский Суд присуждает каждому из заявителей по 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

256. В ходе рассмотрения дела в Палате Европейского Суда заявители просили присудить им 8 705 евро за 57,5 часов работы адвоката по тарифу 150 евро за час, а также 80 евро в качестве компенсации канцелярских расходов. Палата Европейского Суда полностью удовлетворила требования заявителей.

257. В ходе разбирательства дела в Большой Палате Европейского Суда заявители подтвердили вышеупомянутое требование, а также просили присудить им в отношении производства в Большой Палате Европейского Суда дополнительно 17 625 евро за 117,5 часов работы адвоката по тарифу 150 евро в час. Они предоставили временную таблицу с указанием суммы часов без дальнейших деталей. Таким образом, в целом требование заявителей в отношении судебных издержек и расходов составляет 26 330 евро.

258. Власти Венгрии утверждали, что судебные расходы и издержки, которые заявители просят им возместить, не были ни необходимыми, и разумными по размеру с учетом количества ненадлежащих доводов заявителей.

259. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь в той

мере, в которой было доказано, что последние были необходимы, были фактически понесены заявителем и были разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и упомянутые выше критерии, а также учитывая, что большинство жалоб заявителей было отклонено, Европейский Суд считает разумным присудить заявителям 18 000 евро в отношении всех судебных расходов и издержек.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

260. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *согласилась* единогласно с предварительным доводом властей Венгрии о том, что жалоба заявителей на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции в связи с предполагаемым отсутствием средств правовой защиты в отношении условий содержания в пограничной транзитной зоне Рёске была подана с нарушением срока, и, таким образом, *объявила* жалобу неприемлемой в данной части;

2) *отклонила* единогласно остальные предварительные доводы властей Венгрии;

3) *постановила* единогласно, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с выдворением заявителей в Сербию;

4) *постановила* единогласно, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу на предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции в отношении предполагаемой неэффективности внутригосударственных средств правовой защиты от выдворения заявителей в Сербию;

5) *постановила* единогласно, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания в пограничной транзитной зоне Рёске;

6) *постановила* большинством голосов, что жалобы заявителей на предполагаемое нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции являются несовместимыми *ratione materiae* с положениями Конвенции, и поэтому *объявила* их неприемлемыми для рассмотрения по существу;

7) *постановила* 16 голосами «за» при одном – «против», что власти Венгрии должны выплатить в течение трех месяцев каждому из заявителей по 5 000 (пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

8) *постановила* единогласно, что власти Венгрии должны выплатить совместно обоим заявителям 18 000 (восемнадцать тысяч) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

9) *постановила* единогласно, что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

10) *отклонила* единогласно требования заявителей о справедливой компенсации в оставшейся части.

Совершено на английском и французском языках, оглашено в открытом судебном заседании во Дворце прав человека, г. Страсбург, 21 ноября 2019 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель
Секретаря Большой
Палаты Суда

Линос-Александер
СИЦИЛИАНОС
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается отдельное мнение судей Леди Бианку и Небойши Вучинича.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛЕДИ БИАНКУ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ НЕБОЙШИ ВУЧИНИЧ

В настоящем деле я разделяю мнение большинства судей относительно статей 3 и 13 Конвенции. К сожалению, я не могу согласиться ни с мотивировкой, ни с выводами, касающимися применимости статьи 5 Конвенции и жалоб, основанных на данном положении Конвенции.

Двое заявителей провели 23 дня в транзитной зоне Рёске на границе между Венгрией и Сербией. Условия их жизни в данной зоне описаны в § 15 настоящего Постановления. Большинство судей пришли к выводу, что статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) неприменима в настоящем деле.

В параграфах 212–216 настоящего Постановления большинство судей, как обычно, сослались на принципы, касающиеся применения статьи 5 Конвенции: «Для того, чтобы определить, было ли лицо “лишено свободы” по смыслу статьи 5 Конвенции, отправной точкой должно служить его конкретное реальное положение, и должен приниматься во внимание целый ряд факторов, таких как тип, продолжительность, последствия и способ имплементации спорной меры... Различие между лишением свобо-

ды и ограничением свободы передвижения заключается в степени или интенсивности, а не в самом существе или характере меры»¹.

Делая вывод о неприменимости статьи 5 Конвенции в настоящем деле, большинство судей в своем анализе принимают во внимание три критерия, которые, на мой взгляд, являются проблематичными. В настоящем частично особом мнении я коротко коснусь каждого из них.

Во-первых, в §§ 220–223 настоящего Постановления большинство судей устанавливают критерий личного положения заявителей и их выбора. Подход, выбранный большинством судей по данному пункту, мне представляется проблематичным. Прежде всего для его подтверждения большинство судей ссылаются на прецедентную практику, которая не имеет ничего общего с лицами, ищущими убежища. Постановления, указанные в § 221 настоящего Постановления, не касаются лиц, ищущих убежища, или их права давать согласие на лишение свободы. Далее необходимо подчеркнуть, что существует основополагающая разница между тем, как слово «выбор» используется применительно к ситуации лиц, ищущих убежища, и тем, как оно используется в постановлениях, указанных большинством судей в § 221 настоящего Постановления. Лицо, ищущее убежища, ищет защиты и тем самым просит защиты права, гарантированного Конвенцией, права не подвергаться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, или в случае необходимости статьей 2 Конвенции. Это вопрос неизбежности, а не выбора. История Европы показала, что такой «выбор» стоил жизни сотням людей². Поэтому мне сложно рассматривать тот факт, что лица, ищущие убежища, пересекают границу как «выбор». Как мне кажется, большинство судей заняли позицию, от которой Европейский Суд отказался в Постановлении по делу «Амююр против Франции»³. По этой причине я считаю, что Палата Европейского Суда в своем Постановлении от 14 марта 2017 г. по настоящему делу правильно сделала следующий вывод, изложенный в § 56 Постановления:

«Иной вывод, [то есть вывод о неприменимости статьи 5 Конвенции], свел бы на нет защиту, предоставляемую статьей 5 Конвенции, принудив заявителей выбирать между свободой и продолжением процедуры, конечной целью которой является укрытие их от риска быть подвергнутыми обращению, нарушающему статью 3 Конвенции».

Вывод большинства судей означает также, как мне представляется, что статья 5 Конвенции может применяться только в случае, если установлено нарушение статьи 3 Конвенции. Однако это необязательно как в том, что касается условий содержания, так и в том, что касается наличия возможных рисков в стране назначения⁴.

Хотя можно сказать, что в настоящем деле возвращение заявителей в Сербию не подвергло бы их какому-либо непосредственному риску смерти или жестокого обращения⁵, данный вывод мог быть сделан только после достаточно обоснованного индивидуального анализа возможной опасности для заявителей. Кроме того, Большая Палата единогласно постановила, что по делу было допущено нарушение, пусть только процессуальное, статьи 3 Конвенции в связи с тем, что власти Венгрии приняли решение отправить заявителей в Сербию без проведения предварительной подробной индивидуальной оценки⁶. Большая Палата Европейского Суда предпочла не рассматривать по существу вопрос о том, подверглись ли бы заявители обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, в случае их возвращения в Сербию. В связи с этим я считаю, что вывод о том, что заявители не столкнулись бы с какими-либо рисками, является простой догадкой⁷. По моему мнению, такой вывод об отсутствии рисков, изложенный в § 223 настоящего Постановления, является предположительным или противоречивым, если принимать во внимание § 165 Постановления. На мой взгляд, большинство судей обходят принцип субсидиарности, чтобы сделать вывод относительно рисков, с которыми заявители могли столкнуться в Сербии, то есть по вопросу, который должен был быть рассмотрен властями Венгрии.

По моему мнению, таковы причины, по которым в свете прецедентной практики Европейского Суда большинство судей неправильно истолковали данный субъективный критерий⁸.

⁴ См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Табеш против Греции» (Tabesh v. Greece) от 26 ноября 2009 г., жалоба № 8256/07, и Постановление Европейского Суда по делу «Лулед Массуд против Мальты» (Louled Massoud v. Malta) от 27 июля 2010 г., жалоба № 24340/08. См. также: Harris, O'Boyle and Warbrick. Law on the European Convention on Human Rights, Second Edition. P. 130.

⁵ См. § 223 настоящего Постановления.

⁶ См. *Ibid.*, §§ 163 и 164.

⁷ См. *Ibid.*, § 165.

⁸ См. в общем Постановление Европейского Суда по делу «Шторк против Германии» (Stork v. Germany) от 16 июня 2005 г., жалоба № 61603/00, § 74, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (Stanev v. Bulgaria) от 17 января 2012 г., жалоба № 36760/06, § 117, и более конкретно Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (Saadi v. United Kingdom) от 29 января 2008 г., жалоба № 13229/03, § 74.

¹ См. § 212 настоящего Постановления.

² См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (Streletz, Kessler and Krenz v. Germany) от 22 марта 2001 г., жалоба № 34044/96 и две другие жалобы, §§ 13 и 47, *in fine*.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции» (Amuur v. France) от 25 июня 1996 г., жалоба № 19776/92, §§ 46–49.

Во-вторых, при разрешении вопроса о применимости статьи 5 Конвенции большинство судей принимают во внимание соответствующий правовой режим, преследуемую цель, продолжительность содержания заявителей в транзитной зоне и соответствующие процессуальные гарантии.

Что касается правового режима, Европейский Суд много раз напоминал, что он не считает себя связанным юридическими выводами внутригосударственных судов относительно того, имело ли место в деле лишение свободы. Он проводит собственную оценку ситуации (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии» (*Khlaifia and Others v. Italy*) от 15 декабря 2016 г., жалоба № 16483/12, § 71, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Креангэ против Румынии» (*Creangă v. Romania*) от 23 февраля 2012 г., жалоба № 29226/03, § 92).

Что касается цели соответствующего режима, Европейская комиссия по правам человека ранее действительно принимала его во внимание, анализируя вопрос о том, имело ли место лишение свободы¹. Однако Европейский Суд отказался от этой прецедентной практики много лет назад, и цель лишаящих заявителя свободы мер, принятых властями страны в отношении заявителя, более не представляется определяющим элементом для целей рассмотрения Европейским Судом вопроса о том, имело ли место лишение свободы. Устоявшаяся прецедентная практика Европейского Суда учитывает данный критерий только на последующей стадии анализа, при рассмотрении совместимости меры с пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см. упомянутые выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), § 74, «Креангэ против Румынии», § 93, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Табеш против Греции», Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины» (*Osyenko v. Ukraine*) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 4634/04, §§ 51–65, Постановление Европейского Суда по делу «Салаев против Азербайджана» (*Salayev v. Azerbaijan*) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 40900/05, §§ 41–42, Постановление Европейского Суда по делу «Илия Стефанов против Болгарии» (*Iliya Stefanov v. Bulgaria*) от 22 мая 2008 г., жалоба № 65755/01, § 71, Постановление Европейского Суда по делу «Соаре и другие против Румынии» (*Soare and Others v. Romania*) от 22 февраля 2011 г., жалоба № 24329/02, § 234, Постановление

Европейского Суда по делу «Рожков против Российской Федерации (№ 2)» (*Rozhkov v. Russia*) (№ 2) от 31 января 2017 г., жалоба № 38898/04², § 74, и другие). В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии» Большая Палата Европейского Суда ясно указала следующее:

«...применимость статьи 5 Конвенции не может исключаться тем фактом, на который ссылались власти государства-ответчика, согласно которому целью властей были оказание заявителям помощи и обеспечение их безопасности (см. выше §§ 58–59). Даже меры, предназначенные для защиты или принятые в интересах соответствующего лица, могут рассматриваться как лишение свободы»³.

По данному пункту большинство судей явно склонились в пользу толкования, которое обращает время вспять на много лет в том, что касается толкования статьи 5 Конвенции.

Что касается продолжительности, большинство судей настаивают на том, что заявители провели всего 23 дня в транзитной зоне Рёске. Однако необходимо напомнить, что в ситуациях, сравнимых с той, которая имела место в деле заявителей, Европейский Суд считает, что содержание в течение 20 дней (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции»⁴), 14 дней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шамса против Польши» (*Shamsa v. Poland*) от 27 ноября 2003 г., жалобы №№ 45355/99 и 45357/99, § 47), 11 и 15 дней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Риад и Идиаб против Бельгии» (*Riad and Idiab v. Belgium*) от 24 января 2008 г., жалобы №№ 29787/03 и 29810/03) и семи дней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» (*Nolan and K. v. Russia*) от 12 февраля 2009 г., жалоба № 2512/04, §§ 93–96) являются периодами лишения свободы.

Что касается гарантий, я с трудом могу найти конкретный анализ процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 5 Конвенции, в Постановлении по настоящему делу! Ни на одном этапе процедуры содержания заявителей в транзитной зоне Рёске не было представлено на рассмотрение суда страны то, чтобы последний мог принять решение относительно необходимости данной меры и отсутствия произвола. По этому пункту я полагаю, что настоящее Постановление с трудом можно считать убедительным в том, что касается

¹ См., например, Решения Европейской комиссии по правам человека по делам «Х. против Германии» (*X. v. Germany*) от 19 марта 1981 г., жалоба № 8819/79, «Генат против Швейцарии» (*Guenat v. Switzerland*) от 10 апреля 1995 г., жалоба № 24722/94, и «Е.Г. против Австрии» (*E.G. v. Austria*) от 15 мая 1996 г., жалоба № 22715/93.

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

³ См. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии», § 71, второе предложение.

⁴ См. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», § 44.

очень четких критических замечаний, сформулированных Палатой Европейского Суда по поводу процедуры на внутригосударственном уровне¹.

В-третьих, большинство судей ссылаются на характер и степень конкретных ограничений, примененных к заявителям, или с которыми они столкнулись.

Что касается характера и степени ограничений, предусмотренных в транзитной зоне Рёске, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям в декларации, опубликованной после того, как ей было отказано в доступе к транзитным зонам в Венгрии, заявила следующее: «Не вызывает каких-либо сомнений то, что содержание мигрантов в данных “транзитных зонах” является лишением свободы по смыслу международного права»². Однако мне не кажется, что большинство судей ссылались на какие-либо фактические элементы или заключения экспертов для того, чтобы опровергнуть такое заявление со стороны специализированной группы экспертов, получивших ряд надежных свидетельств по поводу отсутствия гарантий против произвольного лишения свободы в учреждении, в котором содержались заявители³.

В параграфе 236 настоящего Постановления большинство судей сделали выбор в пользу проведения различия между положением лиц, прибывших к наземным границам государства, и лиц, которые прибывают на остров или в аэропорт. Данное различие, которое большинство судей проводят в отношении предшествующих постановлений, от упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции» до Постановления Европейского Суда по делу «J.R. и другие против Греции» (J.R. and Others v. Greece) от 25 января 2018 г., жалоба № 22696/16, §§ 83–87, а также до более поздних постановлений, упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хлаифия и другие против Италии» и Постановления Европейского Суда по делу «Каак и другие против Греции» (Kaak and Others v. Greece) от 3 октября 2019 г., жалоба № 34215/16, §§ 83–90, мне кажется совершенно искусственным. По моему мнению, большинство судей ошибочно толкуют § 48 упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Амююр против Франции», который, тем не менее, процитирован в § 239 настоящего Постановления и который мне кажется необходимым воспроизвести здесь:

«Сама по себе возможность добровольно покинуть страну, в которой они хотят получить убежище, не исключает ограничения свободы. Более того, право покинуть любую страну, в том числе свою

собственную, гарантируется Протоколом № 4 к Конвенции. Кроме этого, такая возможность становится теоретической, если никакая другая страна не расположена или не в состоянии предоставить защиту, соизмеримую той, которую они ожидают получить в стране, где ходатайствуют об убежище».

Прочтение мною данного параграфа приводит меня к выводу о том, что простая возможность для лиц, ищущих убежища, добровольно покинуть страну, в которой они намерены искать убежища, связана не с практическими аспектами реализации данной возможности, а с вопросом о том, готова ли другая страна принять их и обеспечить им защиту, сравнимую с той, которую они надеются получить в стране, где они просят убежища. В данном параграфе идет речь не о средствах передвижения, в отличие от того, что можно заключить из §§ 240 и 241 настоящего Постановления, а о фундаментальном элементе статьи 3 Конвенции, отсутствии риска в случае возвращения. Большая Палата пришла к выводу, что заявители не могли легально вернуться в Сербию⁴ и что власти Венгрии не оценили надлежащим образом реальные риски, с которыми заявители столкнулись бы в случае возвращения в эту страну⁵. Однако она допускает, что у заявителей была практическая возможность вернуться в Сербию, в нелегальное положение, в котором они могли подвергнуться рискам по смыслу статьи 3 Конвенции. Таким образом, из подобных рассуждений мы узнаем, что применимость статьи 5 Конвенции зависит также от средства передвижения, избранного лицом, ищущим убежища, для того, чтобы прибыть к границе⁶!

Подход большинства судей в настоящем деле мне представляется противоречащим статье 28 («Содержание под стражей») Регламента (ЕС) Европейского парламента и Совета ЕС от 26 июня 2013 г. № 604/2013, устанавливающего критерии и механизмы определения государства – члена Европейского союза, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении международной защиты, поданного в одном из государств – членов Европейского союза гражданством третьей страны или лицом без гражданства⁷,

⁴ См. § 237 настоящего Постановления.

⁵ См. *Ibid.*, § 164.

⁶ Я убежден, что, если бы речь шла о средствах передвижения, государства организовали бы, как это, кстати, и делалось много раз, возвращение ищущих убежища лиц, чьи требования не были удовлетворены, в надежную страну. Проблема состоит в том, чтобы найти такую страну, потому что легко найти самолет или пароход для перевозки таких лиц.

⁷ Данная статья гласит:

«1. Государства-члены не могут содержать лицо под стражей только на основании того, что в отношении него проводится процедура, предусмотренная настоящим Регламентом.

2. Государства-члены могут содержать соответствующих лиц под стражей с целью обеспечить проведение процедуры передачи, в соответствии с настоящим Регламентом, при наличии существенного риска побега данных лиц, на основании

¹ См. §§ 66–68 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу.

² Перевод Секретариата Европейского Суда. См.: UN human rights experts suspend Hungary visit after access denied», UNWGAD // <https://bit.ly/2B7X5Pu>

³ *Ibid.*

и статье 8 («Содержание под стражей») Директивы Европейского парламента и Совета ЕС от 26 июня 2013 г. № 2013/33/UE, об установлении стандартов приема лиц, ходатайствующих о международной защите (переработанной)¹. Данные две статьи, действующие в Венгрии, предусматривают, что государства-члены не могут содержать лицо под стражей только по той причине, что оно ищет убежища. Суд Европейского союза истолковал данные положения в Постановлении по делу «Аль Чодор и другие» (Al Chodor and Others) от 15 марта 2017 г., дело № C-528/15. Он указал следующее:

«...Содержание под стражей лиц, ищущих убежища, представляющее собой серьезное вмешательство в право на свободу последних, должно быть обусловлено соблюдением четких гарантий, а именно наличием правовых оснований, ясностью, предсказуемостью, доступностью и защитой от произвола».

Суд Европейского союза пришел к данному выводу, принимая во внимание статью 6 Хартии основных прав Европейского союза. Мне представляется сложным, даже непонятным сделать иной вывод на основании статьи 5 Конвенции². С сентября 2015 года Европейская комиссия инициировала в Суде Европейского союза производство против Венгрии по поводу законодательства данной страны в сфере убежища³ и несколько раз принимала решение о продолжении данной процедуры, расширив ее, в частности, вопросом о содержании лиц, ищущих убежища, в транзитных зонах⁴.

При этом я согласен с позицией, которая заключается в том, что у государств есть «неоспоримое право контролировать въезд и пребывание иностранных граждан на их территории (см. Постановление Европейского Суда по

делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., жалобы №№ 9214/80, 9473/81, 9474/81, § 59, Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15 ноября 1996 г., жалоба № 22414/93, § 73, упомянутые выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Саади против Соединенного Королевства», § 64, «Хлаифия и другие против Италии», § 89, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «F.G. против Швеции» (F.G. v. Sweden) от 23 марта 2016 г., жалоба № 43611/11, § 111). Данное право может привести к лишению властями свободы лиц, которые стремятся нелегально пересечь границу, которые пытаются сбежать или являются опасными лицами, или к организации возвращения таких лиц, когда для них нет каких-либо рисков. Такова в итоге цель подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако исключение применимости статьи 5 в ситуациях, подобных той, в которой оказались заявители в настоящем деле, приведет к тому, что данный подпункт окажется бесполезным, а Европейский Суд утратит контроль над тем, что происходит на сухопутных границах государств-членов, и, в конечном счете, над произвольным характером, необходимостью и соразмерностью мер по лишению свободы на границе.

Таковы причины, по которым я проголосовал за применимость статьи 5 Конвенции в настоящем деле. Сказав это, я присоединяюсь к мотивировке и выводам, сформулированным Палатой Европейского Суда в ее Постановлении по настоящему делу от 17 марта 2017 г., а именно о том, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции⁵.

индивидуальной оценки, только в той мере, в какой содержание под стражей соразмерно, и если другие менее принудительные меры не могут быть эффективно применены.

3. Срок содержания под стражей должен быть настолько коротким, насколько возможно, и не может продлеваться за пределы того времени, которое требуется для завершения необходимых административных процедур со всем усердием до передачи лица на основании настоящего Регламента». Официальная газета Европейского союза, 2013 год, L 180, с. 31.

¹ Изложена в § 58 настоящего Постановления.

² См. также Постановления Суда Европейского союза по делам «Эль Дриди» (El Dridi) от 28 апреля 2011 г., дело № C-61/11 PPU, и «J.N. против Государственного секретаря юстиции Нидерландов» (J.N. v. Staatssecretaris van Justitie en Veiligheid) от 15 февраля 2016 г., дело № C601/15 PPU.

³ IP/15/6228.

⁴ IP/17/5023, IP/18/4522 и, что касается последнего решения (25 июля 2019 г.), IP/19/4260.

⁵ См. §§ 58–69 Постановления Палаты Европейского Суда по настоящему делу.